

An abstract painting by Vasiliy Treskov, featuring a complex composition of geometric shapes, lines, and organic forms. The background is a light, textured beige. In the upper left, a large black circle with a purple center is set against a red and orange glow. To its right, a bright yellow sun with a blue halo. The center is dominated by a large, tilted, multi-colored shape with a checkered pattern, resembling a sail or a flag, with a black outline. A black wavy line curves through the upper middle. The lower half is filled with various geometric elements: a large white circle with a black border, a yellow triangle, a blue circle, and several smaller circles and squares in various colors. A network of black and red lines crisscrosses the composition, creating a sense of dynamic movement and depth. The overall style is characteristic of early 20th-century abstract art, possibly influenced by Cubism or Suprematism.

Василий Тресков

Досрочник

Василий Тресков

Досрочник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48443938

Тресков В. ДОСРОЧНИК. Ироническая проза. Повести и рассказы:

Перо; Москва; 2019

ISBN 978-5-00150-486-3

Аннотация

Ироническая проза Василия Трескова неоднократно получала высокие оценки на российских и международных литературных конкурсах, публиковалась в периодической печати, издавалась отдельными книжными сборниками. В 2011 году Василий Тресков был удостоен почетным дипломом за первое место на лучший юмористический рассказ международного конкурса «Жизнь прекрасна!», проводимого чеховским международным обществом в Германии. В 2012 году рассказы вошли в число призеров на конкурсе посвященном памяти Василия Шукшина, который проводился Союзом писателей Вологодской области.

В 2014 году Василий Тресков был признан победителем в номинации «Юмор», во всероссийском конкурсе Российского Союза писателей, и награжден дипломом Национальной литературной премии «Писатель года 2013». В том же году, как победителя конкурса, Российским Союзом писателей была издана его книга иронической прозы «Человекоискатель».

Новеллы автора пронизаны любовью к жизни и призывают радоваться каждому новому дню, при любой погоде.

В данный сборник вошли последние повести и рассказы автора.

Содержание

Синописис-предисловие:	6
Досрочник	9
Заговорщики	17
Провидец	19
Тыква	22
Первоцвет Диляра	29
Цветы из Амстердама	44
Человекоискатель	54
Врожденный порок	60
Гигл- Яндекс- Интернет	65
Если других нет	72
Шальная справедливость	74
Когда улыбка сильнее пистолета	81
Человеческое безлюдье	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Василий Тресков
Досрочник
Ироническая проза.
Повести и рассказы

© Тресков В., 2019

* * *

Синописис-предисловие:

Как известно, человек предполагает, Господь решает. И потому наша жизнь состоит из сплошных сюрпризов, которые мы называем «иронией судьбы». Как иначе назовешь случай, когда человек спешит на важное свидание, но в метро застрял по «техническим причинам» поезд между станцией «Курская» и «Площадь революции». И все планы рушатся, как карточный домик от щелчка досадной иронии судьбы. Да, наша жизнь нередко омрачается подобными сюрпризами, и каждый может рассказать о них, с горькой иронической улыбкой. Именно улыбка и позволяет нам выживать и не терять бодрости духа в наше непростое время. О некоторых иронических сюрпризах жизни рассказывает в этой книге писатель Василий Тресков.

Главный лейтмотив произведений автора – обреченность человека во времени, когда люди внезапно уходят из жизни, обманываясь иллюзией, что умирают другие. Трудно примириться с тем, что нет ничего вечного, что самые красивые розы засыхают во времени, что самые красивые девушки высыхают старостью... Но надо принимать эту неизбежность достойно и свято чтить память о тех, кто внезапно навечно остался во вчерашнем дне...

Ироническая проза Василия Трескова неоднократно получала высокие оценки на российских и международных ли-

тературных конкурсах, публиковалась в периодической печати, издавалась отдельными книжными сборниками. Неоднократно его произведения отмечались на российских и международных конкурсах художественной прозы. В 2011 году Василий Тресков был удостоен почетным дипломом за первое место на лучший юмористический рассказ международного конкурса «Жизнь прекрасна!», проводимого чеховским международным обществом в Германии. В 2012 году рассказы вошли в число призеров на конкурсе посвященном памяти Василия Шукшина, который проводился Союзом писателей Вологодской области по инициативе Василия Белова.

В 2014 году Василий Тресков был признан победителем в номинации «Юмор» и награжден дипломом Национальной литературной премии «Писатель года 2013»

Герой коротких новелл Василия Трескова – наш современник, пытающийся выжить в рыночных закоулках общества, не потеряв при этом чувства человеческого достоинства. В рассказах четко прослеживается идея, что главная ценность – это жизнь, и как бы ни было трудно выживать в нашем, не всегда справедливом мире, надо жить и радоваться каждому новому дню, при любой погоде.

Василий Ильич Тресков по профессии – журналист, преподаватель вуза. Работал в пресс – службах государственных органов. Ныне живет и работает в Москве.

В данный сборник вошли последние повести и рассказы

автора.

Досрочник

Человек надеждой жив. С этой мыслью Бурматкин просыпался каждое утро. В этот день у него была надежда выиграть дело государственной важности в арбитражном суде. Отбить здание на Арбате от захвата рейдеров. За этот особеняк он воевал по заданию департамента города. Надежда на победу и торжество справедливости питала его с рассветом, как горячая чашечка кофе со сливками. И потому он был бодр и жизнелюбив.

У Бурматкина вся жизнь состояла из текущих плановых надежд, начиная от квартальных и ближайшей пятилеткой. Собираясь на службу в Мэрию, Бурматкин думал также и о другой очередной надежде, которая заключалась в повышении в должности, если процесс о собственности города будет выигран в его пользу. Он давно метил на освободившееся место начальника отдела. А тут, к его счастью, начальник Петькин скоропостижно умер на рабочем месте от служебного инфаркта, после того, как очередной прорыв трубы произошел на оживленной магистрали на Кутузовском. Гейзеры с кипятком обжарили встречные машины и пешеходов. Во всем оказался виноват Петькин, и, тот, не успев дописать служебную записку в свое оправдание, сторел от обиды и возмущения.

Был Петькин и нет Петькина – это никого не волновало.

Его захоронили за казенный счет на Кунцевском кладбище и позабыли. А вот, то, что место освободилось, это всерьез взволновало болотистую гладь департамента. Бурматкин тут же незамедлительно собрал необходимые документы и направил в отдел кадров, согласно закону о Государственной службе на замещение вакантной руководящей должности.

Вчера ему звонили из кадров и уточняли некоторые сведения анкеты. По голосу кадровика Геннадия Ивановича почувствовал, что у него «клюет», что там всерьез рассматривают его кандидатуру. По собственной инициативе подготовил служебную записку об оптимизации информационных технологий на двадцати страницах, и передал ее в приемную мэра. Надежды окрыляли и питали его жизненными соками со всех сторон.

Он вышел спозаранку на госслужбу, чтобы с утра пораньше подготовиться к пламенной речи на суде, а затем принять участие на семинаре по проблемам утилизации бытовых отходов. Ему намекнули девушки из приемной, которые, как ему казалось, тоже были в него влюблены после его подарков: трех шоколадок и коробки конфет «Пьяная вишня», что лучший автор доклада поедет на международный симпозиум в Берлин по европейской утилизации отходов. И он снова надеялся и надеялся. Готов был порхать по воздуху на воздушных шариках разноцветных надежд.

Но такова наша жизнь, что надежды призрачны, как многоцветный горизонт, который дразнит радужными красками

издалека, но попробуй, дотянись до него рукой. Надежды даже самые красивые, способны лопнуть в любой момент, как проколотые воздушные шарики. И едва переступив порог своего заведения, как узнал, что суд уже заочно отдал особняк рейдерам. На месте Петькина уже сидит специалист с внешностью модели. А в Берлин поедет без всякого семинара молодой и перспективный юноша с прыщавым носом. Потому, что он – свояк президента Банка, который финансировал мэрию. Доклад же Бурматкина по оптимизации, где-то, затерялся во входящей почте мэра среди сотен подобных же докладов по оптимизации надежды на повышение в должности.

Более того, в полдень, перед обеденным перерывом Бурматкина вызвали в отдел кадров, и бритоголовый Геннадий Иванович Матехин, который еще вчера вселял ему надежды на повышение, угрюмо прошамкал неудачно вставленными зубами в ведомственной поликлинике за казенный счет. – А вам, Бурматкин, сколько лет-то. То-то, засиделись на госслужбе, пора и отдыхать, – и вручил ему уведомление об увольнении на досрочную пенсию. – Будете рыбку ловить, в скверики внуков нянчить, – шепелявил Матехин, которому самому уже давно было за 70.

Внуков у Бурматкина не было, так как не было детей. Из-за чего, еще лет двадцать назад от него ушла его супруга. Он жил один в своей однокомнатной квартирке. Рыбалку тоже не любил, и весь свой смысл видел в госслужбе от зари до

зари. И потому от шока даже слова три дня не мог вымолвить, а когда вымолвил, то уже вышел приказ, а на его должность прислали одну из смазливеньких девушек из приемной мэра. Ту самую, которой он дарил коробку конфет «Пьяная вишня». Вмиг Бурматкин оказался не нужным госслужбе. И потому чувствовал себя так, словно его досрочно и заживо похоронили на пенсии с четвертью от своего бывшего оклада. С таким окладом только бы с голоду не околеть.

Просыпается он утром, и никаких надежд голове. Телефон молчит, никто им не интересуется, и он, вроде, бы, уже совсем не нужен в этой жизни. Без него троллейбусы ходят и отходы утилизируют.

Ходит он, как призрак, по ведомственной поликлинике и анализы сдает по три раза на дню. В мэрию его не пускают, он теперь посторонний. Бывшие коллеги мимо проходят не замечают.

– Куда же деваться, думает, если каждый день, как телесериалы в телевизоре, похожи один на другой. Ни понедельников, ни праздников, сплошное времяпровождение в пространстве. Утром – сосиски с горошком на завтрак. В полдень – суп перченый в столовой для ветеранов госслужбы. А на ужин – чай с пирожком в булочной-кондитерской, напротив дома.

Дачи у него не было, и он не любил эти земельно-огородные работы. Пробовал искать работу по объявлениям, где продавцы и курьеры требовались, но не старше двадцати лет.

Даже там он оказался не нужен.

– Так, зачем вообще просыпаться, думает, если никому я не нужен, и все, то же самое завтра повторится, без всяких надежд на лучшее.

А тут, еще зубы стали сыпаться, и ногу сводить при ходьбе. Если положат в больницу в шестиместную палату и одним туалетом на весь этаж, то, и вовсе никаких светлых надежд на будущее, одна тоска с капельницей и клистиром на ночь, для очищения желудка. Не жизнь, а коптильное существование, или как ему сказали в пенсионном фонде, «дожитие, оплачиваемое государством».

– Зачем доживать, думает, деньги у пенсионного фонда проедать. Вот, если отправили меня на пенсию досрочно, может быть, и похоронят досрочно, как льготника и ветерана госслужбы. Без очереди и суеты, сам себе место для могилки выберу, а то жди, когда тебя похоронят.

Жена, которая от него еще в молодые годы ушла, уже и забыла о его существовании, живет где-то за границей, и даже открытки перестала слать «с новым годом». Так, что надеяться не на кого, и потому пришел на кладбище, в правление, чтобы оформить досрочно свои похороны, живьем захорониться, так сказать, на перспективу, чтобы доживать остаток жизни в могилке, никого не утруждая.

Но в правлении кладбищенском заблажили, вроде, не принято, без медицинской справки о смерти, да, и, в общем, не привычно так живьем человека хоронить, что либераль-

ная печать скажет и правозащитники.

– Нужны справки, характеристики нужны с прежнего места работы. Да и в общем это блажь. Здесь срочников хоронить не успеваем, мест нет. А тут вы со своими экзотическими просьбами. Идите с ними в Гаагский суд жалуйтесь..., – отмахнулся от него суровый директор, с угрюмым взглядом на жизнь.

Но Бурматкин был настойчив, и, пообещав директору кладбища завещать ему свою квартирку в Серебряном бору, вроде, договорился.

– Так и быть, сделаем, сказал директор, смягчив свою угрюмость, пиши завещание, а справку мы тебе сделаем о смерти в платной клинике, там у меня зять работает, оформим, как надо.

И вновь появилась, вроде, какая-то надежда и смысл жизни. Бурматкин при деле, по городу ездит, справки собирает, завещание у нотариуса оформляет, место на кладбище подбирает, так, чтобы летом прохладно было, а зимой не очень ветрено. Его энергия рвалась, как бьющая канализация из прорванной трубы.

Вдруг видит объявление на остановке автобусной: «РЭУ № 7 объявляет конкурс на лучший девиз и эмблему спортивно-молодежного клуба. Победитель получит денежный приз и отправится на международный конкурс в Норвегию, на лучшую эмблему в мировом масштабе».

Бурматкин прочитал объявление вдоль и поперек, и, со-

рвав его для верности, чтобы другим конкурентам не досталось, приехал домой озадаченный. Тут же позвонил в Оргкомитет для уточнения. Ему все подтвердил звонкий девичий голос, который приятно взволновал его тело, как морской бриз в засуху.

– Возраст участников не ограничен, хоть, сто лет будет, – смеется девушка, лишь бы голова соображала и мозги шурупили.

Он уточнил имя девушки – ее звали Лиля. Новые надежды вспыхнули в его сердце. Юный голос стимулировал и возбуждал угасший оптимизм. Ему захотелось доказать девушке Лилии, что у него не только мозги работают, но, и кое-что, еще. И он засел за справочники, принялся сочинять эмблему и девиз молодежно-спортивного развлекательного центра. Эмблема у него вырисовывалась в виде розы и шпаги. А девиз, звучал свежо и оригинально:» В здоровом теле – здоровый дух». Очень ему показалось это мудрым, до чего, еще, никто кроме него не додумался. Все это направил по указанному адресу в Оргкомитет. И тут же позвонил Лилии, удостовериться, что получили ли они его заказное письмо.

– Получили, говорит весело Лиля, зарегистрировали, но итоги будем подводить через полгода.

У него появилась надежда на полгода. Он приостановил оформление завещаний и досрочных похорон. Жизнь наполнилась новыми надеждами, как пересохшее дерево живительными соками. Но ждать полгода, живя надеждой в оди-

ночку, ему показалось не солидно. Он на следующий день, за счет пенсии, купил букет лилий и отправился к Лилии из Оргкомитета, знакомится лично. Он был уже наполовину в нее влюблен по переписке, за ее трогательную фразу, что возраст для нее не имеет значения, лишь бы мозги шурупили.

– Редкая женщина, таких упускать нельзя, – думал он, трясясь в трамвае с букетом лилий.

Заговорщики

Петр Ховсюков, вместе с группой заговорщиков, украдкой занимался нравственностью. В подвалах и подворотнях, заброшенных сараях, прячась от посторонних глаз, они увлекались групповым чтением стихов классиков серебряного века, и хоровым пением духовных ораторий... Ховсюков стойко соблюдал порядочность, и был патологически предан девушке Пелагее, как хронический наркоман марихуане.

Он самоотверженно нарушал телевизионные заповеди жизни: не пил, не дрался, не занимался сексом с уличными девушками, не грабил банки и не участвовал в телевизионных конкурсах «секс без правил».

Петя замаскировался и ушел в подполье, как нелегал. Тайная жизнь его соратников была лишена секса и мата, они говорили в тишине, озираясь по сторонам, крамольные слова: «спасибо» и «пожалуйста».

Но чтобы не вызывать подозрение у окружающих, в повседневной жизни антисексуал – интеллеktуал Ховсюков маскировался под «крутого казанову». Дабы, его не обличили в старомодной нравственности – носил в кармане вместо носового платка презерватив, пистолет «осу», и демонстративно брэнчал ключами в присутствии девушек от «тачки за углом». Ругался матом через два слова, и грозился «замочить» любого. На словах он «крутил свой бизнес» с нефтяными ак-

циями и «паленым бензином». И все его принимали за представителя среднего класса, персонажа из телесериалов.

Ни тачки, ни акций, не паленого бизнеса – у него не было. Он робко, но честно существовал в муниципальном архиве, хранил никому ненужные справки и постановления разных времен. Прячась от посторонних глаз, в библиотеке встречался с Пелагеей, замаскированной под шлюху. Там в тиши, среди пыли и книг – они постигали любовь из классической поэзии. Когда же выходили из подполья, то демонстрировали свои отношения показной сексухой. Чтобы никто ничего не подумал крамольного, они взасос, прилюдно, целовались в вагоне метро, при этом, Пелагея нараспашку раскрывала бедра с татуировкой.

Но приехав в квартирку на Таганке, запирались, зажигали свечи и читали стихи, нежно глядя друг на друга... Однажды под утро он решился ей сделать предложение, и она его официально поцеловала, почти, как законная невеста. Но об этом никто не знал. Все соседи думали, что они живут крутым извращенным сексом, с группухой, как гражданские муж и жена, не отличаясь от дворовых собак Бобика и Стрелки, обитающих в подворотне, чердачной кошки Мурки и кота Боровика.

Свадьба у них прошла тихо, с целомудренным венчанием. Без пьянства и драк. Тщательно скрываясь от бдительных телекамер.

Провидец

Случилось это после очередного взрыва бытового газа в доме, устроенного алкашем «недопитым» Колобковым, который с пьяна, открыл газ на плите, но забыл поднести спичку. Уснул, стоя, на кухне с сигаретой в зубах. Сам он, как всегда, не пострадал, а квартиру Ховсюкова, находящуюся по соседству, разнесло на отходы. А Ховсюкова, в предсмертных судорогах, привезли в реанимацию. Там он чудом выжил и ощутил в себе дар провидца. Знал, сам не зная, откуда и что произойдет за два часа вперед. Вот идет он и встречает того же алкаша Колобкова, которого не взрывы, не потопы, не инфаркты ни берут.

– «Счас, поздоровается, и попросит займы до получки. Откажешь – обидится, а если дашь, то не вернет», – угадал Ховсюков ход дальнейших событий, и, не доходя полметра, круто развернулся и пошел прочь от Колобкова, не реагируя на его приветствия.

В магазине очередь. Без очереди лезет тип похожий на Колобкова, недопитый алкаш, но только рыжий, и требует триста грамм колбаски вразрез, без очереди...

– «Скажи ему куда прешь, тот, в ответ обзовет нецензурно. Отвечу, что-нибудь гневное, полезет с кулаками. Подоспеет полиция, хам-алкаш убежит, а побитого Ховсюкова отвезут в «кутузку», как хулигана. Тем более что паспорта при

нем не было. В отделении к нему привяжется следователь Сухоруков, который уже полгода ловит маньяка – одиночку. И сразу же обнаружит поразительное сходство фоторобота маньяка с физиономией Ховсюкова.

– Так это ты, девушек душил в подъезде, и мобильник засовывал им в задницы, – скажет следователь Сухоруков, и без всяких предисловий, для убедительности даст ему кулаком под дых. Ему придется признаться во всех преступлениях, которые он не совершал...

А дальше, он даже не хотел заглядывать... И потому, закусив язык, молча терпел, как через его шею, без очереди, алкаш, дыша вонючим перегаром, брал колбасу.

Пришел домой, а над головой сыпется потолок, вой сверла и грохот отбойных молотков закладывал уши. Это новый сосед, купивший все квартиры пятого этажа, там евроремонт совершает. У Ховсюкова канализацию заклинило, воды нет, стенки трещат и осыпаются. Собрался было пойти к этому соседу, чтобы его урезонить, потребовать с него разрешение от префектуры на перепланировку, которого, конечно, не окажется, потому, что префект ему за взятку, без прописки весь пятый этаж продал. Сосед этот, по фамилии Тупо-Задов, с двумя сынками верзилами, его с лестницы спустит, и еще вызовет наряд полиции, предварительно заплатив каждому «нарядному» по сто баксов в руки. И Ховсюкова, как нарушителя общественного порядка, доставят в отделение, где его уже нетерпеливо дожидается следователь Сухоруков,

чтобы повесить на него дело маньяка-одиночки. А тут припаяет еще налет на квартиру добропорядочного гражданина Тупо-Задова, который сначала платит, а потом говорит.

Дадут Ховсюкову пожизненный срок, а Тупо-Задов своих родственников в его квартире расположит. А когда он выйдет по амнистии, через десять лет изможденным стариком, то его не пустят в подъезд, бросят в джип, отвезут на дачу в Мытищах, там избив до смерти, расчленят на донорские органы и расфасуют по пакетикам, чтобы придать его кишкам и печени товарный вид, продадут в ближайшие больницы. Отбросив это предвидение, он, закрывшись газеткой от осыпающегося потолка, делал вид, что все хорошо, и что он ничего не замечает. Возможно, Ховсюков, таким образом, проживет очень долго...

Тыква

Доброе дело в наше время особенно ценится. Уж, кто-кто, а Таня Манина очень хорошо это знает. В детстве ее добром не баловали. Отца она не знала. Говорят, красивый был мужик, и красиво пел под аккордеон, и бабы к нему липли, как мотыльки на свет. Ее мама, Клавдия, была не исключением. И пришлось ей расплачиваться за свою страсть к красивым песням – Таней. Родилась она, некстати. Клавдии надо было личную жизнь устраивать, а тут внезапная беременность, и ребенок, от которого не успела избавиться.

Таньку она отправила к родителям в деревню, в Тульскую область. Там она росла до пяти лет. Потом мать забрала на свою квартиру, чтобы получать детские пособия и прочие льготы, которые давало государство. Да, к тому же ребенок давал ей статус матери-одиночки, и открывал ей новые права в объеме требований от государства. Да и соседи ее уважать стали, как мать ребенка. Но вела Клавдия, как и прежде, разгульный образ жизни. Танька помнит те дни, когда мать готовила жаркое из свинины для очередного любовника, а ее кормила картофельным крахмалом и дешевыми конфетами батончиками. Чувство голода и постоянного недоедания осталось на всю жизнь, развил у нее патологическую жадность, подозрительность, и хитрость выживания.

Внешне Танька уродилась в отца, гуляку и красавца, ко-

торый умер от перепоя в расцвете лет. Росла справной и яркой. Блондинка с пышными формами, выразительными карими глазами и длинной косой за плечами притягивала к себе мужские взгляды. На нее заглядывались не только пацаны, но и серьезные мужики. Но не только красотой была наделена. Ее цепкий ум, усидчивость помогли ей выжить и добиться хорошего социального статуса. Окончила столичный вуз с отличием, вышла замуж за москвича, и уцепилась за Москву.

На работу в окружную Управу города – ее устроил влиятельный покровитель, научный руководитель. Она прижилась среди чиновников и стала продвигаться по службе. Но чувство жадности и недоедания у нее сохранилось на всю жизнь, как родимое пятно на левом бедре, которого она очень стеснялась. И все, что попадалось ей «нахаляву», она безрассудно хватала, не задумываясь, насколько ей это нужно. И потому, когда Тане Маниной позвонила ее бывшая сокурсница многодетная Белла Белобокова, которой она в свое время, от имени Управы, пугая клерков районных ДЭЗев и БТИ, помогла грамотно оформить участок в Подмосковье на спорной территории, и отсудить от соседей землю. Тогда Белла предлагала ей деньги в благодарность, но Таня отказалась, мол, помогла по – человечески, во имя принципа справедливости и прежней дружбы. Тем более, что сумма предлагаемая была смехотворна. И вот, спустя два месяца Белла решила ее вновь отблагодарить.

– На том участке выросли тыквы, сладкие и душистые, от которых нега по телу разливается. Вот, в знак благодарности, хочу тебе подарить совершенно бесплатно тыкву, такую на рынке не купишь, а если ее сварить, то, как полезно для здоровья, и вашему мужу, тыква очень способствует мужской потенции, – тараторила Белла Ивановна.

В принципе, тыква Таньке была не нужна. У них холодильник был забит плодами манго, киви, апельсинами и ананасами... Но, то что шло нахаляву, она не могла отказаться, с детства привыкла не упускать, то, что в руки идет. И они договорились о встрече на станции метро Шабаловская. От Южного Бутово, где жила Таня, до метро «Шаболовка» – путь не близкий, с двумя пересадками в переполненных вагонах. Если же ехать на такси, с учетом многочисленных пробок, то ей дороже десяти тыкв дорога будет стоить. Но Таня упускать, то, что шло в руки за бесплатно, никак не хотела. И взяв огромную авоську, решила в служебное время отправиться со станции «Тверская», предварительно договорившись с Беллой, встретиться на «Шаболовской».

Приехала на десять минут раньше назначенного времени, и ждала на ветру, рядом у метро, у входа, как договорились. Белла, почему-то, не спешила, и Таня продрогла окончательно, легкие сапожки и колготки ветер продувал насквозь, и она уже не рада была, что связалась с тыквой. Сидела бы в своем кабинет и справки составляла бы в тепле и уюте. Наконец-то, на «москвиче» подъехала Белла. Она сама

была за рулем и потому, была серьезна и сосредоточена.

– Кругом пробки, сказала она, светофоры работают безобразно.

Она вытащила из багажника огромное ядро с желто – синим отливом.

– Вот, какая красота родилась, гибридный сорт», праздничный» называется. Она с трудом приподняла огромный шар и толкнула его в руки Тани. У нее от тяжести подогнулись ноги, и она, чуть, не выронила его на асфальт.

– Кушайте на здоровье, – сказала Белла, с облегчением в голосе, словно избавилась от ненужного груза. – Бесплатно это, денег не надо, – зачем-то, уточнила она, и поспешно юркнула в кабину красного, пыхтящего «москвича».

Обдав мощным выхлопом чихающего мотора, уехала, не оглядываясь, оставив, Таню с тыквой, которая вываливалась из рук. В сумку она тоже не влезала. Она несла ее, то на животе, то под мышками. Взмокла, куртка задралась и перекосилась. Когда перекладывала из одной стороны в другую супер тыкву, то треснул по швам рукав кофты. Ее кидало из стороны в сторону, а по раскрасневшемуся лицу выступили капельки пота. В переполненном вагоне метро ее качало, как шхуну в девяти бальный шторм. В спину толкали пассажиры, наступали ей на ноги. Она почувствовала, как хрустнул сустав в пояснице, не выдержав тяжести гире – подобной тыквы. Таня ругала тыкву, Бэлку и себя, за жадность.

Наконец-то, она доползла до своей квартиры. Не чуя рук и

ног, от усталости, она долго приходила в себя, собираясь потом отварить тыкву, и подать ее на ужин. Но тыква оказалась пуленепробиваемой с бронебойным покрытием, от которого ножик отскакивал, как теннисный мячик, от стенки. Она сломала нож, сломала маникюр на пальцах, а потом, и вовсе обрезала руку. Тыква была, как чугунное ядро не разорвавшегося снаряда. Ядро вдруг свалилось ей на ногу, и раздавило мизинец. Таня вскрикнула, заплакала, подняла с трудом гирию-тыкву, и в порыве злобы швырнула в стенку.

Стенка тут же рухнула вместе со штукатуркой. Тыква – чугун с грохотом упала на пол, видимо, у соседей снизу обвалив потолок. Потому, что снизу нервно застучали половником по трубам парового отопления.

Она расплакалась от осознания потерянного времени и собственной беспомощности. А тут, еще ее коллега Манька Лукова позвонила, и с язвительной радостью сообщила, что ее разыскивал ее начальник Скок и, не обнаружив на месте, рвал и метал, и приказал отменить ей премиальные за квартал.

– Я по состоянию здоровья ребенка, попыталась оправдаться Танька.

– А это уж объясняй нашему Скоку, но он был вне себя, – язвила Маня.

Время поджимало к ужину. Придет с работы муж, и его надо кормить. О тыквенной каше уже мечтать не приходилось, хоть бы отварить дольки тыквы и смешать их потом с

медом. Но как расколоть это чугунное ядро. Она направи-
лась в кладовку и извлекла топор. Разрубила ее напополам с
третьей попытки, зазубрив острие топора, и разбив до крови
левую голень. Тыква оказалась полой, пустой, лишь тонкий
слой желтой застывшей мякоти прилип к кожуре. Разрезать
на ломти также не получалось.

Позвонила к подруге Вике, которая все знала и понимала
на этом свете.

– Тыква эта дрянь, старая, ссохлась и к пище не пригод-
ная. Видимо, вместо того, чтобы выбросить на помойку, по-
дали тебе, – сказала Вика, на рынке за копейки тыквы лю-
бых размеров, сладкие и пышные, как узбекские дыни сахар-
ные... То, что ты на дорогу потратила, хватило бы на две та-
кие...

Таня решила позвонить Бэлке, и высказать ей о ней и ее
тыкве все, что она думает.

– Пусть забирает ее взад, – решила она, набирая номер.
Но к телефону никто не подошел.

Таня выбросила раскромсанное ядро в мусоропровод. И
едва, успела перед приходом мужа сварить надежные сосис-
ки, сдобрив их зеленым горошком на гарнир.

Бэлка позвонила через неделю, и как ни в чем не бывало,
спросила:

– Ну, как тыква, яблочный аромат? Вот, ничего для друзей
не жалко. Вот, какое дело, нужна справка на аренду, не мо-
жешь ли ты через Мэрию устроить? Небось, мужинек твой,

бодрый после тыквы...

Таня хотела, сказать, что она – дура, как и ее тыква, и для нее она ничего не будет делать хорошего.

Но Бэлка ее опередила.

– Я вот, тебе приготовила кабачок с огорода, очень способствует, в тушеном виде, мужской потенции...

Сама не зная почему, Танька поехала на следующий день, на Шаболовку за бесплатным кабачком, который способствует мужской потенции.

Первоцвет Диляра

(сентиментальная повесть)

Уж сколько раз убеждался Лопсаков, что все женщины красивы на расстоянии. Особенно на обложках журналов и на экранах телевизоров, и лучше не сближаться с ними, чтобы не вляпаться в их проблемы. Причем, чем красивее баба, тем больше у нее самых разных проблем. Навешают на него детей, алиментов, тещ, попутных любовников, заставят его работать в три погибели, чтобы обеспечить им комфорт и одежду по моде, и все равно будут недовольны. В этом он не раз убеждался за свою жизнь. Одной требовался автомобиль последней модели, у другой и вовсе нечего одеть в обширном гардеробе. Может быть, он был и неправ в своем мнении о женщинах, но реально получилось так, что все его бывшие красавицы жены разбежались, разъехались, и он остался один на старости лет. Без квартиры, без внуков, но с алиментами на шее. Снимал комнату в грязной коммуналке, еда сводя концы с концами.

И только черно белая фотография, увеличенная и вновь обновленная, висевшая вместо ковра на стенке над кроватью, согревала его душу. Фотография его детства. На фотографии он вместе с одноклассниками с рюкзаками у ног запечатлен перед походом в горы. Там улыбалась ему его пер-

вая любовь Диляра...

Это было, тогда, когда он в далекой юности не догадывался об обратной стороне женской красоты, и наивно боготворил девчонок, словно неземные создания, сотканные из лепестков роз. Это была чистая, романтическая пора в его жизни, как утренняя свежесть горного воздуха. И чем старше становился Лопсаков, тем все чаще в памяти вспыхивала живительным лучиком тот прошедший миг. Словно, серебристый блеск падающей звезды в ночном небе, таинственный и невозвратный. В ту ночь, тогда тоже падали звезды в ночном небе Баксанского ущелья. Падали и рассыпались серебряными искрами...

Давно это было, еще тогда, когда девушки мило краснели, здороваясь с парнями. Когда им на дни рождения дарили цветы, а не презервативы... Когда девочки не употребляли наркотики вместо леденцов, не рожали в туалетах, думая, что у них понос. Это случилось, когда он учился в шестом классе. И к ним в 6-а пришла новенькая. Девочка кукольной красоты, с круглым фарфоровым личиком, с выразительными миндалевидными глазками – пуговками. С темными шелковистыми волосами, кудрявыми локонами, выющимися на плечах.

– Это новая ученица, Диля Суханова, прошу любить и дружить и не обижать, представил ее классный руководитель, он же учитель географии Виктор Фролыч.

Дима Лопсаков, как увидел Дилю, так втрескался в нее

с первого взгляда. Казалось, некогда не встречал таких красивых девчонок. Она была в строго стерильно выглаженной школьной форме, с белым воротничком, с фартуком, с шелковым красным галстуком, и с крахмальными бантиками на темных шелковистых волосах.

Лопсаков сидел один за партой. И потому Дилю посадили рядом с ним.

Когда она села рядом, у него дух перехватило от затаенной радости и вместе с тем, с охватившей робостью... Он застыл и боялся посмотреть в ее сторону. Она по-хозяйски села, вытащила из портфеля пенал, ручку, линейку и два заточенных карандаша и все это выложила на парте. Затем строго посмотрев на Лопсакова, провела фломастером тонкую, едва заметную линию

– Это граница, на мою территорию, не залезай, – сказала она

Так они и сидели до конца четверти, словно два пограничных государства. Но, тем не менее, их локти постоянно соприкасались на середине парты, и она не отдергивала руки. А Димка же испытывал головокружительное блаженство, ощущая ее руку. А иногда и их ноги встречались под парой и прижимались. Она не убирала бедро, делая вид, что ничего не замечает, но щеки у нее заметно розовели от смущения... Он чувствовал ее тонкий запах пота, исходящий от нее и это сильно и необычно возбуждало.

Перед летними каникулами учитель географии Виктор

Фролыч, заядлый альпинист объявил о двухдневном походе на перевал «донгуз орун»

– Поход по желанию, кто хочет, – сказал Фролыч, кто пойдет, записывайтесь у старосты, и завтра приносите деньги на сухой паек. Рюкзаки и ботинки получите напрокат тоже в моем кабинете завтра. Поход в горы нелегкий, нагрузка большая. Кто не уверен в себе, лучше сразу откажитесь. Но, чтобы потом не ныли...

Таких слабаков не нашлось. Потому что в шестом «а», никто не боялся трудностей и записались все.

Говорят, что Фролыч любил крепко выпить. Но дома у него была злая жена, которая не давала ему этого делать и даже лупила тощего маленького фролыча.

Дилька тихо спросила Лопсакова: – Ты пойдешь в поход. Я пойду, в этих местах погиб мой дядя, в боях за Кавказ. Мама хочет, чтобы я побывала там. Он похоронен в братской могиле в Нальчике у вечного огня, но погиб там, в горах, на перевале Донгуз орун.

– Пойду, конечно, пойду, – замахал руками Димка.

Старенький школьный автобус приехал ровно в 8 к школе № 9, и кашлял изношенным мотором.

Ребята построились в ряд около автобуса для коллективного фото, а юнкор школьной стенгазеты Сашка Соловьев старательно щелкал всех своим фотоаппаратом «Смена-6».

Дилька стояла в стороне от Лопсакова, слева среди девчонок. А рядом с ней основательно обосновался Валерий Пе-

ночкин и Джека Пробыко, ребята, что ни есть авторитетные в классе, и видимо, серьезно тоже запали на Дильке. У Джеки – папа первый секретарь горкома КПСС, а Валерий Печочкин и вовсе круглый отличник, по математике. Он контрольные за весь класс решал. Только вот Димку стал игнорировать. У них отношения усложнились, видимо, из – за Дильки. В итоге Димка зачетную контрольную завалил.

Тогда Лопсаков понял также, что красивые девчонки всегда нарасхват среди пацанов, и борьба за то, чтобы понравиться красивой девчонке нередко перерастает в жестокие драки. Девчонки это как сладкая конфетка или десерт.

Автобус, кряхтя и фыркая, но уверенно вывозил школьников за пределы города и мчал по живописному шоссе Баксанского ущелья. Чем дальше, тем ближе горы. Картины менялась с каждым километром. Мелькали селения, реки, озера, пашни, пастбища... И вот, наконец, проехали Тырнауз, город шахтеров, где добывают стратегический молибден, и въехали в долину гор. Где слева горы, прикрытые сосновым бором, а справа бесноватая река Баксан. Остановились около селения Тегенекли, где узкая дорожка уводила с шоссе в горные ущелья...

– Завтра, будем ждать вас, в 12 часов дня, – строго сказал Фролыч водителю.

Затем ребята построились и пошли гуськом, один за одним, вслед за Фролычем по тропке в высь к сверкающим ледникам, которые уже распахнули свои ледяные объятия...

Удивительно, но Валерка Пеночкин, умудрялся постоянно быть рядом с Дилькой, а Лопсакова оттеснили в конец группы, замыкающим.

Чем выше, тем круче тропа, тем труднее давался каждый шаг. После второго привала Фролыч приказал мальчикам забрать у всех девчонок рюкзаки.

– Мы подойдем к перевалу Донгу Орун к местам бывших боев за Кавказ говорил он, но дальше не пойдем, разобьем лагерь на поляне, это зеленая гостиница. Приготовим ужин и немного отдохнем, переночуем. Научу вас, как разжигать костры и ставить палатку, а завтра утром попробуем дойти до Донгуза Орун и затем вернемся в долину...

Ребята достигли поляны «Зеленой гостиницы» будучи изрядно уставшими. Ноги налились свинцовой усталостью, всем хотелось пить и отдыхать.

Группа расположилась на живописной горной поляне, с журчащей родниковой рекой, по всем туристическим правилам: разбив десять палаток, пять для мальчиков и пять для девчонок. Развели костер, и девчонки стали варить суп-пюре из тушенки, резали бутерброды с сыром и маслом. Ребята носили дрова из рощицы. Вокруг сверкали зеркальным блеском ледники кавказских гор. Школьники находились у подножья перевала, но на сам перевал уже не было сил подниматься. Фролыч пообещал на следующий год повести ребят через этот перевал к Черному морю.

Дилька, казалось, не замечала Лопсакова. Хлопотала с

девчонками у костра, варя кашу с тушенкой... На поляне «Зеленой гостиницы» были котлы для чая и супа и даже железные миски, оставленные туристами разных поколений...

Лопсаков ходил, не находя себе места, вокруг бивуака, затем отошел к огромному камню, в ста метрах от палаток. На камне, разукрашенным надписями проходящих туристов, зияли выщербленные выбоины от пуль и осколков снарядов минувшей войны... Видимо, в годы войны, кому-то этот камень служил дзотом.

– «А что, если под его прикрытием вел неравный бой с врагом Дилькин дядя. – Вот повод пригласить ее сюда на свидание, – подумал Лопсаков. Он растер подошвой песок около камня, заросшего травяным мхом. Из под ступни выковырялась проржавевшая пулеметная гильза... Да тут и в самом деле, был пулемет. Он взял гильзу и направился прямо к Дильке. Она стояла у костра с половником и разливала всем похлебку с тушенкой.

– Вот, видишь, что я нашел, сказал он, ей показывая, гильзу. Возможно, твой дядя, строчил из пулемета по фашистам вот за тем камнем, он указал на камень, проросший мхом... Приходи туда сегодня в десять вечера, я покажу тебе, место, где нашел гильзу, пригласил он Дильку, – Придешь? Я буду тебя ждать, но никому ни слова об этом...

Она, молча, едва кивнула.

– Буду тебя там ждать, еще раз повторил он, постарайся не опаздывать?

Диля покраснела, и ничего не ответив, плюхнула в миску изрядную порцию месива, и протянула ему.

После ужина пили чай из железных кружек с бутербродами, и неформальный лидер вихрастый Леха, забренчал на гитаре мелодии битлов. Было очень романтично под всполохи огня слушать веселые мотивы на корявом английском. Леха был кумиром у девчонок, носил расклешенные брюки и длинные волосы под битлов и пел довольно сносно, так что одноклассницы, как замороженные бабочки липли к нему, глядя влюбленными глазами. И Дилька тоже слушала его, раскрыв рот... Рядом с ней дежурил все тот же Пеночкин, пытаясь обнять ее за плечо, но она всякий раз стряхивала его руки, как ночных комаров. Костер становился все ярче в густой темноте горной ночи. В небе мерцали звезды, как горящие угольки костра. На часах было половина десятого ночи и Лопсаков, встал с насиженного пенька около костра, так чтобы это заметила Дилька, и направился в темноту, в сторону камня.

Фролыч объявил отбой и разогнал всех по палаткам. Затем закрылся в своем отдельном шатре с двумя бутылками портвейна. И вскоре его мощный храп разнесся над лагерьем. Ребята по-выползали из палаток, и вновь расположились около костра, где снова зазвенели песни.

Лопсаков ждал ее, прислонившись к камню, ждал так, как, наверное, никогда не ждал в этой жизни... Яркие, выпуклые звезды мерцали над ним, и падали серебристыми искрами.

Весело шумела горная река. Голубым сиянием переливались ледники и ледяным дыханием пронизывали его до костей.

На его часах, с фосфорными стрелками, было уже половина одиннадцатого ночи... Он промерз и дрожал от холода и обиды. Все его желания казались несбыточной мечтой, и он чувствовал себя последним дураком...

И вдруг услышал осторожные шаги. Она шла, аккуратно ступая в темноте, оглядываясь по сторонам, как бы раздумывая, делать ей еще один шаг или повернуть назад к костру, откуда доносились веселые песни, хохот и визг.

Он вышел ей навстречу и посветил своим китайским фонариком, подаренным родителями на день рождения. Димка взял его в поход специально, чтобы показать ребятам его мощь, аккумулированную в длинном серебристом футляре с тремя круглыми батарейками. Фонарик пронизывал темноту кинжальным лучом света... Дилька была в темном вязаном свитере, в красной куртке с капюшоном и лыжной шапочке, из под которой вились ее мягкие пушистые волосы. Ее выразительные карие глаза, на фарфоровом личике, пристально смотрели на него.

Он взял ее за руки, притянул в себе и крепко поцеловал в губы. Это был его первый поцелуй в жизни. Она вздрогнула, отпрянула от него, а потом сама прильнула к нему. Димка ощутил ее мягкое податливое тело, и волнение ударило ему в голову. Он целовал непрерывно ее лицо, шею. Она робко отвечала на поцелуи. Они опустились на пенек и замерли в

крепком объятии. Его рука гладила ее грудь, ощущая ее под свитером и лифчиком.

– Не надо, она отбросила его руку. Но он был настойчив, его уже ничего не могло остановить. Его закрутило головокружительное блаженство, которое никогда до этого испытывал. Никого кроме них, двоих не существовало в этот миг на планете... Его пальцы хищно впились в пуговицы лифчика, и ладонь опустилась на ее упругую, как мячик грудь. Внезапно она напряглась, словно чего-то, испугавшись, и резко вывернулась.

– Не надо, – еще раз повторила она, и в глаза ее блестели, то ли от слез, то ли сверкающих в небе звезд. – Не надо, она сбросила его руку с ее груди, и сама обняла Димку.

– Успокойся, давай так посидим, – прошептала она.

Они просидели до рассвета. Затем разошлись по палаткам. На большее он не решился, да он и не знал тогда, что такое «большее», ему уже тогда казалось, что он совершил такое, что никогда их не разлучит с Дилькой.

Обратно шли, взявшись за руки. Он нес ее и свой опустевшие рюкзаки. Они не замечали, ни насмешек одноклассников, не яростные взгляды Пеночкина, который, то и дело, злословил в их адрес. То обзывая их женихом и невестой, то влюбленными чебурашками... Только многоопытный Леха, который нес три рюкзака своих поклонниц, с пониманием смотрел на него.

В автобусе они сидели, тесно прижавшись, друг к другу,

ни на кого не обращая внимания...

Около школы ребят встречали родители. Высокая женщина с крашеными рыжими волосами подошла к Дильке, и подозрительно посмотрев на Лопсакова и на нее, нервно зло схватила ее за руку и повела к черной ведомственной «волге», стоявшей невдалеке...

Больше он Дильку не видел. Наступили летние каникулы, и ему сообщил юнкор стенгазеты Сашка Соловьев, который все знал на свете, что Дильку родители отправили к бабушке в Казань, на все лето. В утешение он подарил ему групповую фотографию 7 а, Эту фотографию он раздал всем участникам похода.

– И Дилькиной маме передал, сказал Сашка, – так что твоя кадруха увидит. Вы клево получились...

Эту фотку пожелтевшую, черно-белую Лопсаков свято хранил как партийный билет, после развала КПСС. И часто, в трудные минуты жизни доставал ее из заветной шкатулки и смотрел на застывший миг его юности. А потом, когда от него ушла очередная жена, увеличил и обновил эту фотографию в фотомастерской и повесил над кроватью вместо ковра. А маленькую фотографию носил в бумажнике вместе с социальной картой.

На фотографии Сашки Соловьева, которая стала для Лопсакова подлинным шедевром, застыл конец мая 1967 года. Все цвело пышным цветом, как это бывает в южных городах. Одноклассники сгрудились в школьном дворе около памят-

ника неизвестному солдату, погибшему в этих местах в боях за город. Лопсаков стоял с краю, Дилька – в центре, с одноклассницами, но около нее навязчиво внедрился Валерка Пеночкин.

Лопсаков вновь и вновь с волнением любовался Дилькой, в спортивном костюмчике плотно облегающим ее выпуклую грудь.

Тогда, Лопсаков нетерпеливо ждал начало учебного года, чтобы вновь увидеть ее. Но в эту школу она больше не пришла. Ее отца, военного полковника ракетных войск, перевели в другую воинскую часть, в Забайкалье...

Дилька исчезла, не оставив ни адреса, не телефона...

И от нее осталась только это фотография.

У Лопсакова было много лирических встреч, любовных романов, три раза женился и три раза разводился. Росли дети от разных браков, и даже скоро родится внук... Но всегда испытывал необыкновенное душевное блаженство, когда извлекал эту старую фотографию. Сашка Соловьев подарил ему память, он – настоящий журналист, недаром, что стал главным редактором большой федеральной газеты.

Вот и он, Лопсаков, нескладный мальчуган с оттопыренными ушами и чубчиком запятой, вытянул шею, и застыл, словно от паралича, косясь в сторону Дильки.

Однажды он увидел ее в метро. Она сидела такая же, цветущая как майская сирень, свежестью первоцвета красоты, и безразлично разглядывала дисплей айфона. Тот же изящный

разрез глаз на кукольном личике. Он тупо уставился на девушку, потрясенный ее схожестью с Дилькой. Былые чувства нахлынули на него выпитым вином, он даже захотел спросить ее, значить ли что-нибудь для нее имя Диля...

Девушка вздрогнула, мельком взглянув на него, и не отрываясь от айфоновой панорамы, медленно встала, тихо сказав, садитесь, пожалуйста, и уступив место, отошла в дальний конец вагона. Он с горя сел, потрясенный коварством времени и любви.

Оскорбленный ее унижительной вежливостью, он вышел вслед и пошел за ней. Она шла независимой упругой походкой, сверкая точенными ножками и покачивая тугими бедрами... Навстречу ей шел долговязый мальчуган с тощей козьей бородкой. Она, вся такая величественная и недоступная для посторонних, бросилась к нему в объятия, и они застыли в долгом поцелуе. Они стояли посредине вестибюля среди народа, как ни в чем не бывало и целовались в засос. Он бы отдал все за ее поцелуй, который она так безрассудно растрачивала неказистому увальню...

– Нашли место, проворчал он, проходя мимо парочки, и нарочно задев бородатого козлика хозяйственной сумкой с кефиром...

Они не среагировали, и даже не повернулись в его сторону, слились в тесном бесстыжем объятии, в центре зала многолюдного метро.

Он же еще раз убедился, что уже никогда в жизни не уви-

дит той Дильки, и не вернет звездную ночь, пахнущую ароматом ее нежного пота и цветущих горных трав. Время навсегда разлучила его с Дилькой. Синие горы и выпукло мерцающие звезды все это осталось в его памяти, с кусочком копии заветной фотографии, которую носил всегда в кожаном бумажнике вместе с социальной картой.

Ворча и кряхтя, вышел из метро и остановился. Не зная куда идти. Нигде его особо не ждали. Ни свою «двушку», на пятом этаже, в блочной многоэтажке, где проживала его дочь от третьего брака с сожителем, и не чаяла, когда он «сдохнет», и освободит жилплощадь. Ни на дачу, в сырой прогнивший сруб, с мышинным запахом от которого его тошнило. А ведь где-то жила на этом свете, его Дилька, видимо, неузнаваемо изменившаяся, обвешанная внуками и годами. И, наверное, они и не узнают друг друга, потому что миг их жизни сверкнул и погас, как падающая звезда над Баксанским ущельем.

Он порылся в кармане. Нашел скомканную «пятихатку». И решительно направился в рюмочную, на углу перекрестка. Там всегда играла ретромузыка его детства, а за стойкой бара стоял озорной парнишка, чем-то похожий на Леху, который погиб в Афгане. Пеночкин, тоже умер два года назад от сердечного приступа, а ведь он был директором хлебного комбината, большой начальник...

Лопсаков ездил на его похороны и ему рассказали, что в бумажнике у него тоже хранилась такая же коллективная

черно-белая фотография седьмого класса «А» «перед походом. Его и похоронили с нательным крестиком и этой групповой черно-белой фотографией детства.

– Сохранилась ли такая фотография у Дильки, – подумал он. – Может быть, и она украдкой смотрит на нее бессонными старческими ночами? – пьяная слеза скатилась с его глаз и растворилась в рюмке водки.

Вам молодым этого не понять, сказал он бармену, перехватив его удивленный взгляд.

Цветы из Амстердама

Репортер рекламно-информационного бюллетеня «М-Центр-Дельта плюс» Жора Хутукуров с утра жаждал опохмелиться. После вчерашней презентации казино «Золотой трэф» гудела голова, и сохло горло. Он вышел из прокуренного отдела на балкон, и уставился с высоты пятого этажа редакции на бронзовый затылок классика художественной литературы. Этот памятник стоял уже почти двести лет, и цвел синей плесенью, засиженный голубями минувших эпох. Но возможность взглянуть на классика свысока, уже не радовала его. На дворе кружились снежинки, навевая в душу что-то непонятно светлое. Напротив, закрыв вид на свалку, возвышалась елка, мигающая разноцветными огоньками. Неужели скоро Новый Год? Так не верилось, что среди слякоти и грязи возможен такой праздник, который с детства ассоциировался с запахом мандарин и хвои. Обычно под новый год мама прятала ему в подушку подарок, коробку конфет или плюшевого мишку.

В желудке засвербило сентиментальностью, и Хутукурову захотелось срочно выпить водки. Он направился в секретариат и с факса снял присланные из различных организаций и фирм приглашения на презентации. Наметанным взглядом сразу же выбрал то, что ему надо. В выставочном центре голландская фирма проводила презентацию своей продукции

под загадочным названием» Шарм».

– Там можно пожить, безошибочно определил он, возможно, будет вино, а, скорее всего, и колбасные изделия. Голландцы любят пожрать вкусно, как и немцы, может быть, коньяком угостят и с собой пару бутылок дадут. Как раз бы к новому году бы хорошо бы припасть», – думал он.

– Без рекламы не возвращайся, вдогонку бросил ему ответ-секретарь Порабузуков, мрачный как дождливый понедельник, а то пожрать все мастаки, а в редакции денег нет.

Хутукуров мысленно послал его в не очень приличные места, и вырвался на свободу.

Павильон был арендован фирмой «Шарм» полностью. Это был концерт, который выпускал все: от водки до женских лифчиков. У входа уже дежурила толпа любителей пожить нахаляву. Репортер гордо прошествовал мимо них, и размахивая приглашением, прошел сквозь кордон. В центре зала хило проходила пресс-конференция. Два фирмача, через переводчика, что-то бормотали о развитии деловых связей с Россией. В полупустом зале, на стульчиках сидели две начинающие журналистки и старательно записывали на диктофон. Хутукуров был опытным репортером и умел отметать мух от котлет. Чутье его безошибочно вывело в комнатку за перегородкой, откуда доносились усердный звук ложек и вилок о тарелки, звон бокалов и разносился аромат дорогой колбасы и французского коньяка. Он влетел в заветную комнатку и сразу же застрял среди вязких тел

своих коллег... Все лучшие перья столицы сгрудились около фуршетного столика с закусками и выпивкой и усердно расталкивая друг друга, жевали челюстями, чавкая, чмокая, вырывая со стола аппетитные лакомства.

В передовых рядах прочно застряли репортеры, поднатоевшие на фуршетных приемах. Вечно пьяно – веселый здоровяк Гугарев из еженедельника «Рыночный зуд» запивал водку в фужере пивом из банки баварского, и разглагольствовал, брызгая изо рта не разжеванным бутербродом с икрой, о кризисе цен на голландский сыр.

Хутукуров же оттертый потными спинами на задний план напрасно пытался вырвать из фуршетного корыта, хотя бы банан или не съеденную маслину. Его опередили. И ему, как опоздавшему, оставалось глотать остатки минералки в бутылках и грибного соуса, размазанного в судке. С таким положением вещей он не мог согласиться, и направился в павильон на ловлю рекламы. Но все, более или менее порядочные стенды, на которых красовалось пиво в банках или блоки сигарет, уже были облеплены, как мухами, господами журналистами. На ликеро-водочном стенде монументально возвышалась фигура вновь опередившего всех Гугарева. Приставив диктофон ко рту фирмача, свободной рукой сжимая банку с пивом, он кивал одобрительно собеседнику. Там куда ступнул Гугарев, порядочному журналисту, коим себя считал Хутукуров, делать уже было нечего. И здесь его опередили.

– Не мой день, – бурчал, обиженный на весь мир не опохмеленный Хутукуров.

Он решил отправиться в Сокольники на презентацию выставки женских духов, хотя, наверняка, там уже всю приличную водку с колбасой оприходывали. А может быть, и плюнуть на все, и направиться в пивной бар «Жигули». Душа горела и плавилась от желания опохмелиться.

По пути к выходу обратил внимание на стенд, не засиженный рекламщиками. На витрине благоухали разными соцветиями цветы. Среди россыпей роз, гвоздик, флоксов, гладиолусов ему улыбался подтянутый молодой человек в модном пестром костюме.

– Заходите к нам, пригласил он Хутукурова, у нас нет пива, у нас цветы, сказал фирмач, как бы извиняясь, и пояснил на внятном русском языке с легким акцентом. – В Голландии у нас на столе всегда цветы, как у вас хлеб и водка. Цветы для нас большой смысл.

Для Хутукурова цветы не имели никакого смысла. Трава она есть и трава... Но в данный момент, глядя на затейливо оформленные букеты не мог сдержать своего восхищения. Глаза разбегались от разлива невиданных цветов.

– У вас в России больше любят водку, чем цветы, грустно сказал фирмач, вон на том стенде бесплатно водку разливают, так там столько посетителей. А ко мне никого нет...

– А вы раздавайте букеты бесплатно, к вам народ повалит, у нас задарма все любят, ответил Хутукуров, в том числе и

цветы. Он замотал нетерпеливо головой по направлению к водочному стенду.

– Пожалуйста, разрешите вам подарить самый лучший букет из нашей коллекции, как первому посетителю выставки.

Он изящным движением подхватил из корзины огромный переливающийся ароматом и мозаикой цветов букет из разных сортов, от оранжевых гвоздик до голубых роз, прикрепил в середине свою визитку, и протянул все это Хутукурову.

– Этот букет сам выращивал, у вас такие не растут. А сорт этих голубых роз вывел еще мой дед, основатель фирмы. У нас ведь потомственные цветоводы в фирме, рассказывал ему голландский цветочник.

Жора буркнул что-то про себя, поморщился и вынужден был взять, чтобы не обижать иностранного гостя.

Букет оказался настолько увесистым, что закачал его на месте.

«Зачем мне эта трава, что я корова что ли? – подумал он. Но, кивнув благодарственно головой фирмачу, зашагал к выходу. Теперь, с подобной ношей не протолкаешься ни к одному порядочному стенду. Выбросить бы их, да некуда. Он грустно посмотрел еще раз, туда, где плескалась водка, клубилась говорливая толпа, и кажется, доносился знакомый хохот Гугарева. Грустно почесал букетом нос, который чесался с утра. Зря чесался, сегодня был не его день. Букет все же жалко было выбрасывать. И он от потащил его с собой.

В метро ощутил на себе пристальные взгляды женщин.

Молодые и пожилые не сводили с цветов глаз. От такого внимания нежного пола к своей персоне ему стало не по себе. Он и в молодости особым успехом не пользовался у женщин, на него особого внимания не обращали. А сейчас. Он даже прикрылся букетом от откровенных улыбок, в которых было столько восхищения, словно адресовались они не Жоре, а зарубежной кинозвезде. Он тряхнул букетом, и взгляды бирсером рассыпались вслед за ним.

«Прямо как коровы на клевер реагируют, – подумал про себя не опохмеленный репортер.

Оставив своего лощенного спутника, к Жоре подошла юная блондинка, сияя жемчужной улыбкой попросила разрешения «нюхнуть» цветочек.

– Ой, какая прелесть, растаяла она, никогда не видела подобного.

Девушка наклонилась к букету так близко, что у Хутукурова закружилась голова от волнительного прилива, исходящего от аромата ее шелковистых волос.

Он сразу же опьянел, словно выпил три рюмки водки, не закусывая.

– Цветы из Голландии, важно ответил он, такие здесь не растут.

Он победоносно оглядел всех женщин в вагоне.

– Какая прелесть, за валюту купили? Много заплатили? – блондинка почти влюблено смотрела на него.

Между ними ревниво встал лощенный спутник, и затряс

бумажником, требуя незамедлительно продать букет по биржевому курсу доллара.

– Нет, не продается, важничал Хутукуров, сам себя не узнавая. Женские взоры затуманили сладостной пеленой его разум. Ему показалось, что он стал выше ростом, моложе лет на двадцать и похож на Ван Дама...

Он гордо шел по улице. Женщины оборачивались вслед с восхищением, соблюдая равнение на букет. Только махни гвоздичкой, и любая побежит вприпрыжку следом. Хутукуров заважничал, как египетский фараон, и делал вид, что во все не замечает женщин.

На свой одиннадцатый этаж он взлетел на крыльях букета, опередив лифт. Дверь открыла жена Клавдия, в старом халате, с растрепанными волосами и красными от стирки руками. На лице ее застыл кухонный угар, гнилая картошка и кислые щи. С губ уже готов был сорваться упрек, по поводу не прибитых полочек в ванной и не купленного подсолнечного масла. Но увидев цветы – обмякла, лицо ее осветилось счастливой улыбкой.

– Ой, какая прелесть, простонала она и бессильно прислонилась к стене. – В честь чего? -

– Да просто так, хорошая погода, скоро Новый год, вот и подарил, невозмутимо ответил Жора, вручая ей букет.

– Ничего подобного я не видела, она нежно обняла букет и стала с ним носиться по квартире, как с плачущим младенцем, ища достойную вазу.

Когда восторги улеглись, неожиданно строго спросила: – А за какие деньги купил, ведь аванс у вас через неделю, а гонорары, как ты сказал вам, уже полгода не платят. Неужели со сберкнижки взял, ведь я просила не трогать эти деньги, мы же на стиралку откладываем. Мне стирать руками приходится твоё грязное бельё, долг за простоквашу соседке уже вторую неделю не могу вернуть. Откуда деньги взял, признавайся!

– Да мне их подарили на фирме голландской...

– Тебе там только водку да пиво дарят. Не морочь мне голову. То гвоздички от тебя, на день рождения не дожدهшься, а то целый букет приволок, в честь хорошей погоды. У тебя, что другая баба завелась, что ты мне мозги пудришь для отвода глаз, – лицо Клавдии вновь покрылось кухонным угаром, от её слов несло прокисшими щами, подгоревшей кашей, не стираным бельём и очередями в гастрономе.

Хутукуров вспомнил красавицу с жемчужной улыбкой, которая была так близко от него. Томные взгляды встречных дам, и весь этот сказочный миг закоптился серым дымом будней, валивший, как из выхлопной трубы, изо рта жены.

Он понял, что завтра придется ехать к подруге жены, продавщице Маше, которая обещала продать мешок сахара подешевле рыночных цен. Раскошелиться на такси, либо переть на своем горбу мешок в метро, расталкивая там дам. Как далеко это от букета цветов...

– Обещал колбасу привезти с завода. Что это треп? Вме-

сто этого на цветы потрагился...

Жора вышел из дома, хлопнув дверью. Цветы в российском быту явно были лишние. Требовалась колбаса и мешок сахара.

Ночевал у друга, холостяка Верзилина. Верзилин работал на мясокомбинате забойщиком и жил хорошо без жены, с мясом и колбасой. Женщины его любили без всяких цветов. Верзилин как всегда принял его хорошо. Они крепко обсудили с ним женщин за бутылкой водки. Верзилин дал ему батон свежедышащей полукопченной колбасы и житейский совет: – Цветы для наших баб это баловство, колбаса им понятней, ты вот подари это Клавдии и вы помиритесь...

Под утро Хутукуров добирался домой, немного теряя ориентацию и почему-то проваливаясь в лужи. Две встречные юные особы пугливо обежали его стороной, напрасно он им махал колбасой. Женщины на колбасу реагировали совершенно иначе, чем на цветы. Они лишь ускорили шаг и засверкали ножками к противоположному от него направлению.

Он дополз до своего этажа, очень напугав по пути соседку с собачкой, которая вышла на раннюю прогулку. Затем увидел в прихожей бледную Клавдию с заплаканными глазами. Он протянул ей колбасу.

Она заплакала и бросилась ему на шею. Колбаса беспомощно шмякнулась на пол.

Жора увидел на столе, там, где обычно ставят елку, побе-

доносно сверкающий букет фламандских цветов с голубой розой в эпицентре. Благоухающий запах распространился по квартире, заглушая кухонный угар и плохо проточного унитаза, который уже давно пора заменить.

Он вдруг вспомнил, что мама, всегда под новый год, клала ему под подушку подарок, конфеты или плюшевого мишку... И невидимая для посторонних слеза, тоже навернулась в его левом глазу. Он откашлялся, смахнул слезу, и деликатно отстранив от себя Клавдию, спросил, как ни в чем не бывало, – там, осталось в холодильнике начатая бутылка «Балтики»?

– Осталась, милый, сказала Клавдия, думая о чем-то своем, у меня в жизни таких цветов не бывало, сказала она и снова всхлипнула...

1992 г.

Человекоискатель

Народу в Москве – с каждым годом все больше. Но нужного человека найти в толпе также трудно, как золотую песчинку в отвалах грунта.

Масачухин – коренной москвич, и в многолюдии ориентировался, как следопыт в тайге. У него свои ориентиры, свои путеводители, свои методики. Он бережно заносил номера телефонов «нужных, хороших людей» в мобильник, и хранил их, как шкатулку с драгоценностями. Нужные люди, как бриллианты, не обесценятся, не подведут.

Начинал список Артем-слесарь, затем шел Жора – адвокат, Дима – майор полиции, Настя – для души и тела, Олег – стоматолог, и многие другие, даже профессор социологии Поросен, ков. У всех свои номера.

Но была и другая директория в мобильнике, которую Масачухин называл мрачно: «кладбище протухших друзей», и для них его телефон был недоступен. Там покоились имена тех, кто его предал или обидел.

– «Протухли, как вчерашний антрекот, – говорил про них Масачухин. Но все это ручная, так сказать, коллекция, устарела на фоне информационных технологий. Тем не менее, за неимением лучшего, пользовался своим путеводителем, как компасом. Как выйдет из дома, так идет проторенными тропками среди многолюдия в заповедные места, где нет очере-

дей. К примеру, чтобы к врачу попасть без очереди – ехал не районную клинику по месту жительства на Ордынке, а в далекое от него – Отрадное. Потому, что там работает стоматологом Олег, а значить лечить его будут без халтуры и очередей.

Но, как-то, прибыв туда, узнал, что Олег уже там не работает. Сгинул в многолюдии, его не предупредив. Вместо него дама в очках, на кобру похожая, а к ней народ ломится. Увязнув в трясине очереди, застыл на распутье.

– Что же это Олег не предупредил, что сменил место работы, где его, теперь, найдешь, если мобильник его противным голосом отвечает, что «абонент не доступен». Видимо, обиделся Олег, что не сдал ему по дешевке квартиру, которая в наследство от мамы досталась на Соколе. Придется его в похоронный список «протухших» друзей вносить. – Он грустно вздохнул, сетуя на несовершенный устаревший метод учета хороших людей, которым он много лет пользовался. Вспомнил, при этом, что один друг у него жену увел, другой – гараж занял, третий – долг пять лет не отдает.

Все они покоятся в забвенье, похороненные в его памяти. Для них его мобильник – недоступен, и потому для него они мертвы.

Зашел в торговый центр, чтобы купить лекарство от тоски в гастрономическом отделе. В очереди у кассы столкнулся, нос к носу, с ожившим коллегой Прухиным, похороненным еще год назад в его памяти. С Прухиным они проект вме-

сте готовили, а потом тот переметнулся в другую проектную группу, прихватив все расчеты, которые Масачухин высчитывал. В итоге Масачухин остался ни с чем, а Прухин карьеру сделал в другой фирме. И вот, он живой, здоровенький с корзиной деликатесов и ликеро-водочных изделий.

Прухин ему головой кивает, а у Масачухина от него аллергия на нервной почве.

– А вы не пробовали восточный соус, говорит, как ни в чем не бывало, оживший труп Прухин, – очень вкусный к котлетам.

Масачухин от него нос воротит, а Прухин этого нарочно не замечает.

– Говорят, вы новую фирму по разведению женьшеня открыли..., сверлит его маленькими острыми глазками, как сверлами Прухин. – Может, телефончик дадите? Совместный проект сварганим, у меня есть идеи в этом направлении...

Масачухин дал номер телефона конторы ритуальных услуг, которым недавно пользовался, чтобы похоронить ненужного никому бомжа, обитавшего около мусорных контейнеров, за счет жилищного товарищества.

И пошел дальше. Видит на перекрестке рядом с палаткой «Шаурма и чебуреки» – ларек «Нанотехнологбытсервис» с рекламной акцией по продаже приборов «человекоискатель», способных отличать человека от мусора. Недолго думая, купил по сниженным расценкам маленький прибор-

чик с проводами, напоминающий портативный диктофон. В инструкции к нему говорилось, что изготовлен «человекоискатель» по принципу миноискателя на бывшем оборонном предприятии.

– На базе миноискателя, плохих людей, как мины чувствует, чтобы не «вляпаться» в придурка, как в мину. На хороших людей он гудит, а плохих – игнорирует, словно и вовсе это не люди, а пустые субстанции. Идешь сквозь толпу, например, в метро, в час пик, как через минное поле и приборчик, в случае обнаружения хорошего человека, тут же гудеть начинает, – консультировал его продавец с нечесаной бородой, одетый в форму военного камуфляжа, и с голубым беретом десантных войск на затылке.

– Давайте проверим, говорит Масачухин.

Включил прибор, похожий на определитель алкоголя водителей транспортных средств, и навел его на продавца. Раздался гудок.

– Вроде, работает, говорит продавец и, взяв приборчик, в свою очередь, навел щупальца на Масачухина.

Приборчик – загудел.

– Значит, проверено, мин нет, и я, и вы – хорошие люди, – заключил продавец нанотехсервиса.

– Но, раз такое дело, давай выпьем по маленькой коньячку, предложил Масачухин, хорошего человека сегодня редко встретишь. Чтобы без всяких гадостей и подлянок.

Они выпили по маленькой, закусив чебуреком с шаурмой,

в соседней палатке. Выпили, поговорили. Родственные души обнаружили, и у него дочка – Марина и у Масачухина внучка – Марина, и обе в детский сад ходят и песенки поют. И тот, и другой грибы в сметане любит, и песню Высоцкого о друге. Спели ее незамедлительно. К ним присоединился хозяин палатки «Шаурма-чебуреки» Ибрагим. Проверили и его на человечность. Приборчик безотказно загудел.

– А говорят, людей нет хороших, воскликнул Масачухин, технику не проведешь, и не подкупишь, это как детектор лжи, правду от гнусности сразу отличает, и никакой взяткой не возьмешь.

Выпили по такому поводу еще по одной, и закусили чебуреком с шаурмой. На этот раз бесплатно. Ибрагим – угощал.

Поехал на следующий день Масачухин в метро с приборчиком в кармане в самой гуще народной, на станцию Курская. Включил, по пути. Прибор загудел сиреной, так, что паника среди пассажиров началась прямо в вагоне метро, переполненном до отказа хорошими людьми. Все подумали, что тревога, какая-то, или теракт. И все готовы были к борьбе и к спасению ближнего. Некоторые даже места престарелым и беременным женщинам сразу уступили. Знали бы они, что это их испытывает на массовый показатель: «кругом все хорошие люди», – приборчик из кармана Масачухина, то ему бы не поздоровилось.

– Вот, ведь техника, какая, – смущенно думал Масачухин, выйдя из вагона, на станции Курская, перебрасывая прибор

с руки на руку, чтобы тот остыл.

Пришел в банк кредит брать, и решил проверить банкира на благонадежность, а то возьмешь кредит в пять тысяч, а на тебя такие проценты повесят, что должен будешь все сто пятьдесят. И прежде, чем подписывать договор, хотел достать свой приборчик, а его в кармане нет. Карман аккуратно подрезан ювелирными ножничками карманного вора, тоже, видимо, очень хорошего человека, который просто ошибочно подумал, что – это мобильный «айфон» с интернетом.

Когда он пришел домой, пересчитал деньги, полученные под кредит, то оказалось, что ему недодали двадцать тысяч. Вместо двухсот тысяч, почему-то, на руках оказалось сто восемьдесят, а он расписался в договоре за все двести тысяч. Он знал, что теперь уж ничего не добьется, и ничего не докажет, если его подпись в договоре стоит. А ведь, такой вежливый и услужливый был юноша – банкир, с шустро бегающими глазками.

Врожденный порок

Доцент Дмитрий Буков за всю свою трудовую жизнь ни разу не опоздал на работу. Если подсчитать, количество километража, накрученного им по кольцевой метро, по пути на работу и обратно, то его бы хватило, чтобы обогнуть несколько раз земной шар. Но Буков крутился, как белка в колесе, не выезжая за пределы «кольцевой». И только, лишь в молодые годы, несколько раз «вырывался» из замкнутого кольца в Крым во время отпуска.

Он добросовестно трудился на ниве просвещения, рассказывая студентам о духовном богатстве русских поэтов 18 века, но сам он лично, никаких богатств не накопил и чем старше становился, тем меньше хватало денег на жизнь. И никак понять не мог, в чем его вина, все лекции добросовестно отчитывал с минуты в минуту, курсовые редактировал, монографии публиковал раз в год, а все равно, жил хуже, чем бывший его студент – двоешник, Никита Коленкин, который бросил институт, и занимался перепродажей поддержанных иномарок. Никита обитал на Рублевке, в пентхаузе, и на мерседесе ездил в торговый центр за ананасами.

Буков же по единому проездному на работу – в метро. И как ни экономил, перебиваясь, в прикуску, без закуски, но от аванса до зарплаты все равно – не хватало.

Причем, чтобы получить аванс – надо было пройти тя-

желые испытания, преодолевая бюрократические препоны и рогатки. В одном корпусе Педагогического института, который находился на Юго-Западе Москвы, давали депонент, в другом, что на Дмитровке, – наличные. Там где депонент, почему-то всегда был обед. Там, где наличные – отсутствие «налички». С утра надо очередь занять среди доцентов и профессоров, и ждать, когда наличка появится. Бегаёт Буков с такими же, как он, преподавателями по корпусам и пролетам – не может неделями деньги получить за прошлый квартал. В одной комнате расчетного отдела – его обхамили, в другой – заставили квитанцию переписывать. Когда получил, то прослезился. Этих денег ему и на неделю не хватит. Особенно, если долги за прошлый месяц отдать. Пришел домой, грустнее – грустного. И так стало тоскливо, что схватило под левой лопаткой.

Попытался к врачу районному пожаловаться, но к нему не пробьешься среди бойких старушек, которые в поликлинике круглосуточно в очереди стоят. Записался он в эту очередь, и стал ходить каждый день в четыре утра отмечаться, пока, и вовсе не свалился от сердечной недостаточности в душной приемной больницы. Долго лежал, под стойкой регистратуры, пока его проходящий мимо дежурный врач не обнаружил.

– А это кто, спрашивает врач, живой или мертвый. Если мертвый, то в морг, а если еще живой, то пусть приходит в следующий понедельник, на этой неделе уже запись кончи-

лась.

– Да это Буков, уже третью неделю ходит с инфарктом, – доложила ему сердобольная регистратор, пенсионного возраста, у которой еще с советских времен, эпохи развитого социализма, чувство сострадания сохранилось, может, вы его, хоть, послушаете, живой он или нет?

– Ну, тогда, дайте ему нашатыря под нос, и ко мне в кабинет пригоните, сказал врач, дежурный терапевт, а то у меня, еще сто вызовов впереди.

Приполз Буков в кабинет врача, тот его послушал через трубочку, давление прибором померил, и головой покачал. – Неизлечимо больны, говорит, медицина тут бессильна. У вас врожденный «лохотризм», хроническая мания честности, инстинкт очередей и полная несовместимость с рынком. Менять образ жизни надо. Ограбьте банк, что ли, украдите миллион рублей, из денег, предназначенных на ремонт вашего института, или берите взятки со студентов за каждый зачет. Следующий, – крикнул врач...

Пришел Буков домой, сам себе не рад. Включил телевизор. Там жизнь кипит, события клокочут. В одном телесериале – взорвали магазин. В другом – трое в масках обстреляли инкассаторов из рогаток, забрали выручку на 20 миллионов рублей и скрылись. В третьем – банкиры разворовали деньги из пенсионного фонда и сбежали с капиталом в оффшоры. В общем, народ свое благосостояние строит, и при этом, ни стоит в очередях за справками и депонентами. Сразу взял

бабло без расписки, и был таков.

Ему стало мучительно стыдно и обидно за свою бесцельно прожитую честную жизнь.

– Что же это так, работаю – работаю, а все равно дурак. А чем я хуже жуликов, – и решил ограбить, по совету врача, сбербанк.

Вспомнил последний телесериал на эту тему, где подробно показывали, как грабить банки, убивать кассиров и прохожих. Взял рогатку, оставшуюся от сына, который уехал жить к бывшей его жене, новогоднюю маску деда мороза, и пошел. Около сбербанка очередь. Народ дисциплинированно платит коммуналку.

– Счас, думает, как в боевике маску одену, из рогатки выстрелю в потолок, закричу: ограбление, всем на пол. Заберу выручку, и задворками скроюсь...

Тут он увидел, как старушка у кассы, пересчитывая сдачу, уронила рубль.

– Стойте! – закричал Буков рефлекторно, – вы деньги потеряли, – сработал в нем врожденный инстинкт честности.

– Ой, спасибо, касатик, – запричитала старушка, совсем слепая, вы не поможете мне квитанцию за свет заполнить, а то, все растеряю. Вот подержите деньги, я квитанцию в сумке поищу.

Она сунула ему в руки пачку денег. Он аккуратно разложил рубли, лишние положил ей в кошелек, и старательно принялся заполнять бланки. Помог ей заплатить за комму-

нальные услуги. И тут в нем проснулся инстинкт «очередности». Он вспомнил, что и ему надо платить за коммунальные услуги, и он взял бланки квитанций, и снова занял очередь с конца.

Он стоял третий час, распаренный, в душном помещении сбербанка, для того, чтобы отдать последние деньги. Одно утешало, что, таких как он, больных, с врожденным «лохонтризмом» целые очереди. Но может быть, благодаря этому, еще и жизнь в обществе функционирует в правильном направлении, не проваливаясь в оффшорные дыры.

Рогатку и маску он незаметно выбросил в мусорную корзину.

Гигл- Яндекс- Интернет

Если раньше внутренний мир наших граждан коптил потолки коммунальных кухонь и уборных, то теперь душевный угар закоптил информационное пространство Интернет, как пригоревшую кастрюлю на коммунальной плитке. Все сплетни, обиды, злость и прочие отрывки души, зависли в паутине, как физиологические отходы в засоренном унитазе. Интернет превратился в виртуальную отхожую яму, а потребитель социальных сетей Сигикукин в блогера. Теперь, купив по дешевке ноутбук, мог выражаться без шума, но масштабно. Его потребность к самовыражению, которая у него в генах со времен коммуналки заложена, нашла свое удовлетворение в твитерах и блогах. Он выражался яндексом и гуглом, фэйсбуком.

Нажал на кнопку ноутбука – управляй мировым процессом. Отправляй правительство в отставку. Сажай в тюрьму министров за взятки и предсказывай конец света. Раньше Сигикукина никто всерьез не воспринимал. А теперь блогер Сигикукин – Яндекс-Гугл дает свои комментарии про НЛО в Челябинске, про «арабскую весну» на Болотной площади, про спутники, которые падают. Он решает судьбы академиков, и возмущается, что Москве мало общественных туалетов. Он в струе событий впереди телевизора, свою индивидуальность виртуально выражает, сверкая глубиной и сочно-

стью мысли, главная из которых: «правительство в отставку!» Ему возражают, и его поддерживают голоса Вселенского разума:

– Все деньги разворовали, уже туалеты не на что ремонтировать, – возмущается в портале блогер Макс.

Ему отвечает некто Ник: – Нет культуры и нет туалетов.

– Не путайте мух с котлетами, вздыхает Анжелика без ангелов, причем, здесь культура.

– Это происки масонского заговора, – резюмирует Коловорот.

– А вы фашист и скинхед, вам всюду заговоры снятся – возмущается Макс.

– Правительство в отставку, – стоит на своем Сигикукин под кличкой «Фидель».

Но тут в событие дня добавилось происшествие. На перекрестке джип сбил старушку и при этом даже не остановился. Это события без комментариев не осталось. По многочисленным порталам пронеслось эхо аварии, сопровождаемое смачными самовыражениями.

– Все джипы на свалку, а их хозяев на мыло, – требовал справедливости Коловорот.

– Портянки вы все, вы и на самокат не заработаете, не то, что на джип, и давить вас надо как тараканов на дорогах, совки недобитые, портянки российские, – либеральничал Макс

– Где коррупция там и джипы, – рассуждает Ихтиандр, заработать сейчас ничего не нельзя. Можно только наворовать.

– А где вы найдете честное правительство, когда все кругом воруют... , гнет свое Коловорот

– Портянки вы все, надо валить загранку, Если ты во-руешь, так не надо всех под одну гребенку, – возмущается Макс

– А ты мне не «тыкай», кто ты такой, чтобы мне тыкать, мы с тобой водку не пили. Хомячки белоленточники. Союз развалили, как черви изъели великую страну изнутри, – не унимается Коловорот

– А с тобой алкашем, я и даром не выпью, – возмущается Анжелика без ангелов.

И пошло и поехало, и про международную политику, и про отставку правительства, и про то, что Сталина на всех нет...

– Бабы стыд потеряли, предлагают себя на сайте, как колготки по ценам ниже рыночных, возмущается Андимандрид.

Эдик Сигикукин не отставал от информационного прогресса, под кодовой кличкой «Фидель», работающий в силу земных обстоятельств охранником частного предприятия «Кадриль-Бриз», посылал время от времени, «правительство в отставку».

И всякий раз, садясь за пульт ноутбука, он чувствовал себя как космонавт перед выходом в открытый космос под названием Интернет.

И этот день у него, как всегда, начинался многообещающе с Интернета. В служебной комнатухе охранного предприя-

тия «Кадриль-Бриз», выпив пива с кофе, и закусив одесской колбасой, развернул свой ноутбук, и устремился в виртуальное пространство самовыражаться.

Взорвался газовый баллон в жилом доме. Сигукукин тут, как тут. Обвиняет руководство префектуры в коррупции, и в скрытом заговоре. Правительство в отставку, требует он, запивая колбасу пивом с кофе.

С ним в спор вступают оппоненты из разных городов. Одни считают, что причина взрыва – ветхое жилье, другие, что климатические мутации, третьи, что человечество деградирует.

День набирал обороты и пестрел событиями. Сигукукин забыл про все на свете, и даже не заметил, как из предприятия «Кадриль-Бриз» злоумышленники вывезли, не оформив партию ксероксов «КЭнон», полученную вчера для офисного использования. Не до того – ему было. Оказалось, что старушку сбил нетрезвый гаишник.

Это нельзя было оставить комментарием. Под псевдонимом Луи Арагон- Сигукукин разоблачал всех гаишников, как класс, что они берут взятки, квасят пиво и их давно пора на помойку. При этом вступил в схватку с мировыми оппонентами. Война начиналась в мировом пространстве, где мысли путались в мировой паутине.

– Всем скоро хана, будет на земле, конец света, – успокоил всех Пророк из Мытищ, он же и Философ без диссертации.

Сигукукин свое гнет под именем Луи Арагона: – Прави-

тельство в отставку!

Вновь появилась таинственная Анжелика, маркиза без ангелов, сообщив о том, что человечество деградирует.

Дальше пошли не печатные выражения, и почему-то, вспомнили пакт Молотова и Риббентропа... А Сигукукин уже в другой директории новость комментирует о назначении нового губернатора.

– Россия восстанет из регионов, заявляет он. – Даешь свободные выборы губернаторов?

Ему противоречит Коловорот, который от него ни на шаг не отстает, – выродится народ, потому что русские бабы не рожают

– Бабам секса хочется и лазурных берегов, а не с пленками возиться, возмущается Сулейман с гор.

– Пороть баб надо, как при домострое, – резюмирует Коловорот

На него набросилась Анжелика без ангелов, Маргарита без Мастера, и другие рассерженные девочки.

– Тоже мне нашелся порщик, всего-то, небось ничего от-росток, а шума-то шума. Деградируют мужики.

Далее перешли на мировой финансовый кризис и не печатные выражения.

Сигукукин убежал на «Компромат ру.» А там все известные лица: политики, актеры, писатели, кем гордится общество. Но одно видеть их в телевизоре на разных церемониях награждения, а другое их подноготную узнать в Интерне-

те. У одного дача незаконная, другой присвоил бюджетные деньги, третий скрывается от уплаты налогов, а четвертый и, вообще, состоит в организованной преступности, и насилует трехлетних девочек из соседнего детского сада.

От расстройства душевного сбежал Сигукукин на сайт планеты любви. Там девушки разных калибров в разнообразных эротических позах предлагают расценки на секс – услуги, с доставкой на дом. Также как ноутбуки, автомобили и «травматику» для вечерних прогулок по небезопасным улицам.

Перешел в другую директорию, планету знакомств. Там встретил Анжелику, маркизу без ангелов. Послал ей послание с предложением встретиться и познакомиться. Анжелика ответила стихами, о том, что любовь цветет среди бурь и стихий... И согласилась.

Сигукукин посмотрел на часы, и понял, что дежурство прошло, склад окончательно ограбили, пока, он в интернете висел вдали от земных проблем. Чтобы не было проблем, прихватил оставшуюся коробку с мобильниками, облил склад припасенным на экстренный случай бензином, все это поджег, и вызвал пожарную службу.

Утром он с удовольствием прочитал в Интернете сообщение о пожаре на складе. И тут же направил свой комментарий под именем Луи Арагона: «Сами обворовали и подожгли, чтобы скрыть следы кражи».

Ему ответили хором Коловорот, Сулейман, Маргарита без

Мастера, Анжелика без ангелов и Александр Третий. Начали про коррупцию, закончили заговором масонов и не печатными выражениями.

Анжелика предложила встретиться, вечером у кафе «Помидор».

Вечером он пошел на земное свидание, и вовремя остановился, увидев издали, ожидающую его в условном месте, женщину, удивительно похожую, на его бывшую жену Анжелу, от которой сбежал год назад, и прячется от алиментов. Он тут же ретировался в сторону и долго ехал прочь в метро в неизвестном направлении.

Утром увидел послание от Анжелики маркизы без ангелов, в стихах, что деградирует любовь от климатических аномалий, а женщины все ждут своего принца. Сугикукин немедленно удалил все контакты и замаскировался под новым псевдонимом: «Аллигатор». Планета Интернет зависла от вирусной атаки хакеров. Там тоже портился виртуальный климат.

Если других нет

Ховсюков понял, что жизнь у него не та, потому что рядом – не те люди с ним одним воздухом дышат. Не люди, а люди заменители, которых вынужден терпеть, потому что других нет. Вот, если бы были те люди, настоящие и натуральные, а не заменителями из концентров, у которых вместо души телесериалы, то и жизнь бы была у него настоящая, о которой он мечтал. И работа не та, потому, что другой – нет. И двое сослуживцев, которые в одной комнате сидят, с ним общим воздухом из одного кондиционера дышат – тоже не те. Один в носу ковыряет, другой изо дня в день сюжеты сериалов, которые все видели, пересказывает. Но других нет, и этих надо терпеть, в силу житейской необходимости. Ведь пьют же люди молоко – заменитель из порошка, потому что натурального нет. Дышат воздухом – заменителем из кондиционера – потому, что свежий воздух давно протух, и ничего живут, нитратную пищу вставными зубами жуют.

Ховсюков давно мечтал стать начальником отдела, потому, что действующий его начальник Пивозадов, был не тот, которым бы мог быть Ховсюков. Пивозадов же с тоской смотрел на шаркающего ногами, сутулого, мрачного Ховсюкова, и думал, что это не тот специалист, который ему нужен. Он с удовольствием бы взял на должность Ховсюкова длинноногую блондинку-практикантку, которая месяц назад про-

ходила у них стажировку. Но куда девать Ховсюкова? Приходится терпеть до квартального сокращения.

Жена Ховсюкова, Вера, тоже вместо него мечтала видеть в мужьях красавца из последнего телесериала. Но приходилось сожительствовать с Ховсюковым на совместной жилплощади, да и к тому же, он, худо-бедно, но все же приносил зарплату.

Ховсюков трижды менял работу, сменил три жены, но все равно они оказывались не те, а других, так и не было...

Однажды в понедельник – сменил место жительства и уехал жить за границу в Англию, потому что там, как казалось по телевизору, все те, и других не надо. Но через месяц понял, что и там все не то, все не те, а других нету. И борщ не тот, и водка там – не та, и даже язык у них – не тот.

Он снова вернулся в свой Низкохребетный переулок, к прежней жене, Вере, которая, хоть, и не та, но, зато пекла вкусные пирожки, которые так там печь не могут.

Устроился на прежнюю работу, правда, его должность уже занимала длинноногая блондинка, а других вакансий не было, кроме, техника по безопасности кондиционеров. Он согласился и на эту ставку, раз других не было.

Через неделю, кондиционер перегорел, а других не было...

Шальная справедливость

У каждого из нас, своя справедливость. И чтобы ни говорили философы, авторы всяких учений, каждый справедливость понимает по-своему. Справедливо это то, когда ему хорошо, и лучше, чем соседу. И, если раньше, во времена всеобщего социализма, «справедливость» пытались разделить поровну на всех, построив ровными рядами, как солдат в строю под барабанный бой, то сейчас справедливость брошена на произвол самотек рыночной стихии. Кто ее поймает за хвост, то и прав. В огромном мегаполисе люди с трудом делили справедливости по квадратным метрам. Ситуация складывалась, как на коммунальной кухне, где каждая хозяйка была, по – своему, права. Порой справедливость провозглашали индивидуально, с помощью кулака или травматического пистолета. И потому криминальная сводка города кишела жертвами самостийной справедливости. Нередко парад самопровозглашенных автономных справедливостей блокировал улицы и дороги, как транспортные пробки» в час пик» на Садовом кольце, где не работал светофор, и каждый видел только собственный зеленый свет.

Справедливость предпринимателя Гены Заболдуева расплескивалась комфортом симфонической музыки по салону «Бентли», который он приобрел несколько недель назад за счет своего здоровья, наглости и смекалки, присвоив бюд-

жетные деньги, предназначенные для строительства дороги в областном центре, там, где он в свое время работал в банке. А теперь он возглавлял, через подставное лицо, гражданскую жену Марину, важный столичный банк, который прокручивал бюджетные деньги. Он очень грамотно прокрутил миллионы рублей, выжав из них излишки, как из сыра воду. «Излишки» отправил в оффшоры, а все остальное перевел на свой счет в Цюрихе, инсценировав налет на инкассаторов. Деньги работали на скупке недвижимости в Греции и продаже разведенного бензина в Подмосковье, где он имел несколько своих точек по паспортам подставных лиц, которые уже давно отдыхают от мирской суеты на разных кладбищах. Еще, он строил гостиницу в районе «золотого кольца». Все было справедливо, с его точки зрения. Он достоин шикарной иномарки, виллы на Рублевке. Все это досталось ему ценой двух инфарктов, инсультом на нервной почве и отсутствием эрекции по ночам. В результате не мог пить дорогих коньяков, не использовать красивых баб по назначению. А их, как назло, в его офисах, как птичек около кормушки. И все не прочь вступить с ним в интимную связь, но его любовный инструмент, как ружье, без пороха, давно уже не стреляет.

– «Всех девчонок сокращать придется, и менять их на компьютерную сеть с роботами, это для меня дешевле, а значит справедливее, – думал он.

Он мчался по «ленинградке» в ночной вип-клуб «Ор-

фей-икс».

Вырвался из «пробки», и помчался к ночному клубу, на Солянку. Там у него была назначена встреча с представителем Госдумы, который обещал ему продать мандат депутата в партийном списке. И это справедливо, пора уже политический вес зарабатывать, не век же ему от прокуратуры и налоговых инспекторов прятаться. Да и стриптезерша с этого клуба приглянулась, она умела, как-то, возбуждать притухшие желания, садясь ему на колени и вытаскивая зубами из его бумажника «баксы».

Едва он вышел из кабины, как сзади обрушился тяжелый удар по затылку. У Заболдуева потемнело в глазах, но он быстро собрался в пружину, и, выхватив из бокового кармана травматический пистолет, резко обернувшись, увидел скуластое лицо с небритой черной щетиной и безжалостные бесцветные глаза, отсвечивающие холодным лезвием тесака. Выстрелить он не успел, нападающий ударил его еще раз в висок свинцовой рукояткой ножа. Больше он ничего не помнил.

Аслан отбросил тело ногой, как мешок с опилками, и запрыгнул за руль заветного «Бентли», как когда-то, его прадед, на тонконового чужого жеребца, угнанного из табуна с горных пастбищ, помчался по извилистым московским переулкам. Он дождался, благодаря Аллаху, своей справедливости. Он пас этот «Бентли» уже вторую неделю, следуя за ним по пятам на не приметной «шестерке», с тонированны-

ми стеклами, и заляпанным грязью подмосковным номером. И, вот, подстерег его у ночного клуба «Орфей-икс». Не хотел он бить этого пузыря, но тот сам напросился, зачем он хотел изломать его справедливость. Ведь за угон этой машины ему обещали деньги, много денег, чтобы он смог построить дом в селении Верхний Алтуд, потому, что его Мадина должна скоро родить ему сына-джигита, и он ей за это сделает подарок – двухэтажный кирпичный дом, с цинковой крышей, газовым отоплением и высоким железным забором. Как у соседа Ахмеда, который людьми торгует. Аслан людьми не торгует, он торгует модными машинами. Рискует жизнью, разгадывает коды сигнализации, как кибернетик какой-то, а пузыри, не обеднеют, им одним «бентли» больше, или меньше...

Он выскочил окольными путями на кольцевую и помчался в деревню в Тверской области. Обогнул встречный пост ГИБДД, готовый взметнуться ракетой от погони. Но, видимо, еще, туда тревоги не поступило.

В Виденевке, в условном домике, его должен ждать Ибрагим, чтобы спрятать «бентли», а потом перегнать машину на Кавказ. Он даст ему денег, много денег, которых хватит, чтобы рассчитаться с долгами, и построить дом в Верхнем Алтуде.

Справедливости смешались, и топтались на пяточке, в центре Москвы. Им было тесно, как автомобилям в пробке.

Ибрагим был доволен, хвалил Аслана, но денег не дал.

Сказал приехать за деньгами завтра, в кафе «Чинар», неподалеку от Ногинска.

– Заказчик не обналичил их еще в «евро». Все будет справедливо, – говорил ему хитрый Ибрагим, щедро угощая его анашой и водкой...

У каждого своя справедливость, Ибрагим обещал ему новые заказы, которые будут щедро оплачены, так, что на три дома хватит.

Аслан приехал в «Чинар» на час раньше, и нетерпеливо ждал у входа, сидя в кабине заляпанных «жигулях», угнанных недавно у пенсионера алкоголика в Балашихе. Ровно в 11, он сел за столик у окна, и заказал, как договорились, две порции шашлыка и графин коньяка «Дербент». Но никто не пришел. Не в одиннадцать, ни в двенадцать. Шашлык остыл, коньяк выдохся. Мобильник Ибрагима, почему-то, не работал. Противный бабий голос, словно издеваясь, твердил ему, что абонент не доступен. Наконец, он понял, что его «кинули». Несправедливо и подло, как лоха на вокзале. Задыхаясь от ярости, одним глотком выпил коньяк из графина, и, не закусив, выбросив остывший шашлык бездомным псам, дежурившим у входа, вышел из кафе.

Ибрагим зря его обидел. Плохо он знал Аслана. Своих обидчиков он достанет из-под земли, и перережет горло, как баранам. Он подошел к «шестерке», дернул дверь. Больше ничего не помнил. Оглушительный взрыв подбросил, и швырнул его на землю. Очнулся от боли в животе. Сжал зу-

бы и простонал.

Над головой белый потолок, и лицо в белой маске. Неужели в раю, у Аллаха, – подумал Аслан, наконец-то, закончил он свой земной путь, тяжелый и не очень для него радостный...

– Жить будешь, вытащили из тебя болты и шурупы, как дробь из утки, – услышал он голос...

Он учуял запах спирта, йода, эфиров и понял, что в больнице. Этот запах больничный он помнит, еще, с детства, когда с дядей Мухтаром участвовал в захвате роддома в Буденовске. Те же белые потолки, запах карболки и белые лица испуганных русских женщин... Теперь эти русские спасают ему жизнь.

В больнице он быстро шел на поправку. Заботливые русские женщины-санитарки, подкармливали его из ложечки, делали ему уколы, а врач-ангел шутил и показывал ему болты, которые он вытащил из его внутренностей. По болтам он понял, кто взорвал его, это сын соседа, Махмуд, известный на всю округу мастер по изготовке шайтанских пакетов...

– Махмуд больше не жилец, – доверительно сказал Аслан доктору – бородачу. Помолчав, добавил, и Ибрагим тоже.

Едва ему стало лучше, он сбежал, как был, в больничных штанах. На стоянке, около ворот больницы, вышвырнул из кабины ауди водителя, который, видимо, приехал проведать родственников, и помчался. По пути, несколько раз поменял машины, угоняя их с парковок около магазинов. Он торо-

пился в Москву. В этом городе, сплетенном из несправедливостей, он хотел вырвать свою справедливость, и главная из которых – это перерезать горло своим обидчикам.

Когда улыбка сильнее пистолета

Москва наших дней все равно, что дикий Запад 18 века века. Только вместо мустангов, под ковбоями горячатся мощные быстроколесные «лексусы», «вольво», «ауди» и «ягуары», сшибая встречных пешеходов вместе со светофорами. В седле, за рулем, крутые парни, готовые скрутить всем головы, и с ними шутики плохи, что не так, так сразу резиновую пулю в лоб или битой по черепу.

Крутизна загустела в пробках, в ней увязают быстрые колеса, а из кабин мощная энергия рвется наружу.

Когда за рулем «тоеты» менеджер интернет сети Барков, то Джеймс Бонд ему в колеса не годится... Барков в этот момент круче всех, от него пешеходные переходы распуганными зебрами разбегаются, светофоры путаются в цветах и мигают, почем зря. На развороте ему перекрыл путь, заезженный джип с подмосковным номером. Барков крутанул руль и врезался в «мазду», нечаянно подвернувшуюся под колеса. За рулем «мазды» находился не менее крутой менеджер банка «Литр – Восток» Козяков, мастер по единоборствам. Он выскочил из машины с битой в одной рукой и пистолетом с полной обоймой резиновых пуль.

Барков вышел с шокером наготове, собираясь изжарить в бифштекс с овощами Козякова. Но тут, из старенького джипа с подмосковными номерами, выскочил румяный юноша,

с обезоруживающей улыбкой вместо холодного и горячего оружия, и вежливо-любезно сказал, извините, пожалуйста, виноват, сейчас дам задний ход и пропущу вас... Недоразумение, получилось, вы, уж простите меня недотепу. Все возьмем, если надо...

Пистолет заклинило, бита выпала из рук от такого контрприема. Барков растерялся и спрятал шоккер в карман. Он готов был поднять обе руки.

– Да нет, что вы, я сам нарушил правила сейчас, разрулим, – признался он, с дня рождения еду, корешу тридцатник стукнуло. Хенесси в голове забродил...

– Хенесси – дерьмо, вмешался Козяков, – надо «Дербент» пить, натуральная лоза...

– Согласен, – сказал Барков, если достанете оптом натуральный «Дербент» без консервантов, то буду очень признателен, и он сунул ему свою визитку...

Моторные мустанги разъехались в разные стороны. О ковбое на белом джипе прокатились легенды по всем магистралям. Он одной улыбкой выбивал пистолеты и ножи. Пули рикошетили и заклинивали в стволах. Водители вместо курсов рукопашного боя, стали учиться хорошим манерам и улыбаться друг другу, и говорить: «извините, пожалуйста»...

Это действовало надежнее многозарядных карабинов с разрывными пулями. Оружие превратилось в хлам, человек стал возрождаться в человеке... Извержения вулканов и цикл землетрясений временно прекратился. Ниспровер-

жение цивилизации приостановилось... Ученые срочно объявили поиск загадочного белого рыцаря, спасителя человечества.

И напрасно по радио реклама кричала, что скромность украшает только гимназисток, а автомобиль должен сворачивать пешеходам головы, и не известно для кого сенаторы требовали всех поголовно вооружить пистолетами. Люди вновь оказались умнее самоуничтожения.

Барков даже дал перейти пешеходу по переходу на зеленый свет и подвез бесплатно старушку, опоздавшую на трамвай, прямо к поликлинике.

Человеческое безлюдье

Рождественская байка

Чего-чего, а народу в Москве хватает. С этим добром – никакого дефицита. Гроби экскаваторами – не выгребешь людские завалы в метро. Автомобилей на улице больше, чем людей. Не проехать, не затормозить. Пробки-очереди. И некуда от очередей не спрячешься – пойдешь в универсам с утра пораньше, а там тебя уже очередь поджидает. Свернешь в безлюдный, вроде, кругом не души. Но только зайдешь в МФЦ за справкой, и там неисчерпаемые людские залежи обнаружишь. В больнице – толпы больных, на торжественных приемах столпотворения заслуженных деятелей, в торговых центрах – толпы покупателей, на вокзалах – пассажиров больше чем поездов, в общем, куда не пойдешь, и без тебя народу хватает. Переизбыток людского ресурса на квадратный метр земли. Плотность – 40 человек на квадратный метр, то есть, на одном метре – 39лишних людей. Как умещаются, сказать трудно, видимо, как акробаты, друга у друга на головах стоят, образуя цирковые пирамиды. Не город, а цирк, с жителями акробатами. Многоэтажные башни растут, как трава, а жить все равно негде. Канализационные трубы с трудом перегоняют продукты физиологической деятельности, электроэнергия накаляется в проводах от напря-

жения, на кладбищах мест не хватает, но население в мегаполисе не убывает.

Удивляешься порой, за какие средства живут все, если заводы и фабрики давно из города вывели, а по городу в дневное время шастают тысячи лишних людей, пытающихся урвать жизненное пространство за счет ближнего. Это посредники и акционеры, мошенники разных мастей и квалификации, бомжы, футбольные фаны-профаны, девушки на вызов, и прочая масса, живущая на проценты выгоды.

Среди них затесался Хрюков. У него друзей – целый мешок визиток. Мобильник от звонков разрывается круглые сутки, друзья то на пьянку, то на гулянку, то на свадьбу, то на день рождения приглашают. Всем он нужен был как менеджер престижной строительной фирмы. Все было в его руках, и евроремонт за полцены, и вагонка для сауны, и камин на дачу, и кирпич для гаража и даже унитаза с музыкальным сливом – все мог устроить Хрюков. Как день рождения, то столько друзей вдруг объявляются. Все пьют, закусывают за его счет, и славят, как звезду Голливуда. Но сгорела фирма в прямом и в переносном смысле вместе с деньгами и документами. Учредители с миллионами за рубежом оказались, а он вдруг оказался должником и виноватым за все. Не работы, ни денег, и даже паспорт сгорел. только долги нагорели в баснословные суммы – если их выплачивать то жизни не хватит, которая поставлена на счетчик и тикает часовой механизм мины замедленного действия.

И стало кругом безлюдно, словно на выгоревшем пепелище. Ни души кругом в многолюдном городе. Вроде, с виду Хрюков – тот же прежний человек, но без паспорта, денег и работы. А потому, с точки зрения многолюдия, не человек, а обертка от сникерса, брошенная в яму с дерьмом. От него бывшие друзья – проценты, шарахаются, словно воняет от него, чем-то не хорошим. Вокруг него пустыня Гоби в метро, в час пик. Кричи не кричи – помогите – никто не слышит. Кругом- безжизненное пространство- как лунный кратер, как звездная галактика без человеческой души. Трубки бросают, мобильники выключают, увидев его номер. Все стали недоступны и отдалены непрошибаемой стеной равнодушия. Вокруг него пустыня человеческая, словно он не в центре Москвы, а в безлюдной тундре. Кругом народу – не продохнешь, а на душе безлюдно, кругом пески Каракумов, населенные лишь клещами, скорпионами, змеями и прожорливыми грызунами.

Ни одного человека на горизонте брел он по этой каменной пустыне, где он один среди многолюдия. На улице ни души, одни прохожие. Вроде живые существа, на людей похожие, а все мимо бегут. Куда деваться-жить противно, умереть – не оригинально. Такие, как он, мрут пачками на дню. Под поезда в метро бросаются, нарушая график движения и создавая дополнительные неудобства для пассажиров и очереди в морги за получением выдачей тел.

Хрюков был человеком сознательным и не любил другим

доставлять неудобства, можно было почтальоном устроиться, или грузчиком в магазин, жизнь она то – всюду, терять ее глупо и безрассудно, другой не будет.

Видит, как на улице, на Кутузовском, двое отморожков с физиономиями каннибалов, тащат девчонку с русой косичкой, в черный «мерседес», с тонированными стеклами и заляпанными грязью номерами. Напрасно она кричит в многолюдии: «Помогите»!

Кругом людская пустыня Сахара – никто не слышит, никого нет, кроме прохожих, и потому все проходят мимо, словно в параллельной плоскости. Хрюков там одинокий путник. Спотыкаясь через многолюдие, обмотав руку брючным ремнем с железной бляшкой, отбил девчонку от двуногих приматов из каменных джунглей.

– Спасибо, говорит девчонка, оправившись от шока. – Вы меня спасли, я думала, что такие мужчины, только в кино бывают, в телесериалах по пятницам. Но вы за геройство будете награждены, у меня дедушка в мэрии большой начальник.

Они обменялись визитками. Димка посадил ее в такси за свой счет, и пошел на биржу труда очередь занимать за пособиями. Но там народу, как в районной поликлинике – не продохнешь, в какую дверь идти – не понятно, везде очереди, вместо ответа – рычание. Пришел домой и на голодный желудок посмотрел новости натошак. Там сплошные катастрофы, убийства и ограбления. Тошно, аж, жить не хочется

в этом многолюдии. Лучше уж сразу в тундру уехать оленей пасти. И вдруг, в дверь позвонили. Стоят трое с протокольными лицами. С такими лучше не встречаться в неофициальной обстановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.